№ 35 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА

ПРОБУЖДЕНИЕ

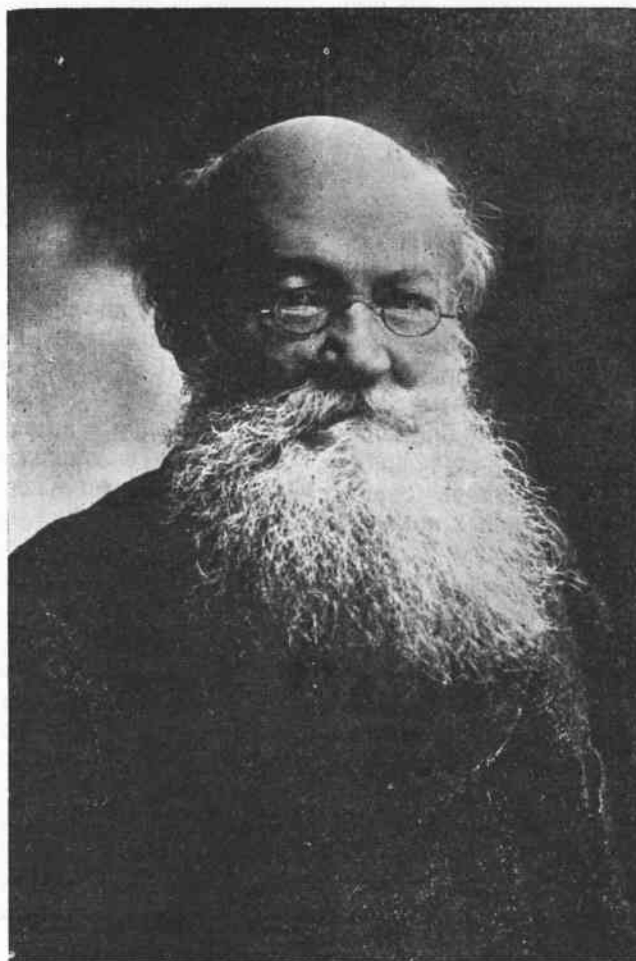
ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

ФЕВРАЛЬ-МАРТ 1951 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

27-й год издания

К 30-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

1842 1921

Петр Алексеевич Кропоткин

ПАМЯТИ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА КРОПОТКИНА

От Редакции: В 30 годовщину смерти Петра Алексеевича Кропоткина, великого гуманиста, глубокого мыслителя, всемирно известного ученого и страстного революционера, апостола безвластного социализма-анархизма и его научного обоснователя, неугомонного защитника обездоленных, угнетенных и эксплоатируемых масс трудящихся и непримиримого активного борца за раскрепощение всех поневоленных народов и за их творческую самодеятельность, зиждущуюся на братской солидарности и взаимной помощи, — на этом несокрушимом фундаменте нравственных начал человеческого общества и его прогресса, — мы хотим напомнить о нем нашим читателям несколькими страницами, посвященными его светлой памяти.

Первыми мы приводим две статьи, которые были написаны в первой половине 20-х годов, но и по сей день не потерявших своего интереса и значения. Н. Лебедев (умер в 1934 г. в Москве) биограф Кропоткина и редактор его незаконченной работы об этике, которая была опубликована лишь в 1922 г., дает в сжатой форме общую характеристику творчества незабвенного учителя. Ал. Атабекьян (умер в конце 1940 г. в Темниковском концлагере, как об этом свидетельствует отрывок из воспоминаний И. Жемчужникова "Дедушка-Анархист," печатаемый в этом выпуске) анализирует вопросы устройства общественной и хозяйственной жизни народов России на принципах учения П. А. Кропоткина.

ЧТО ДАЛ МИРУ КРОПОТКИН?

В истории человечества, являющейся только мгновением среди безмерной вечности вселенной, отдельный человек представляет как бы искру, вспыхивающую на один миг и тотчас исчезающую во мраке времени. Большинство людей, уходя из мира в великое неизвестное, оставляют после себя очень незначительный след и волны новых поколений быстро стирают память о них. Только не многим личностям, поднявшимся силой своего духа над повседневностью жизни, удается провести глубокие борозды в мире и открыть перед человечеством новые горизонты. К таким немногим избранникам принадлежит и П. А. Кропоткин. В эпохи великих революций роль и значение отдельных личностей, обыкновенно, затушевывается действием народных масс. В бурные периоды ломки старых устоев социальной жизни главным деятелем является народ.

Но каждой революционной эпохе предшествуют длинные подготовительные периоды. В эти периоды большую роль играют отдельные личности, так, например, в подготовке русской революции имела огромное значение работа целого ряда поколений русских революционеров. Корни русской революции следует искать в революционном народничестве 70-х годов, которое само, в свою очередь, воодушевлялось идеями Интернационала, учениями великих социалистов первой половины XIX века: Фурье, Сен-Симона, Маркса, Прудона и Бакунина, а также идеями 60-х годов. Эти личности, являясь предвестниками, предтечами и пророками революции, своей работой помогают народным массам осознать и оформить их инстинктивное стремление к свободе и справедливости. Среди этих русских революционеров "первого призыва" П. А. Кропоткин занимает выдающееся место.

Как известно, Кропоткин был ученый, мыслитель, революционер и социалист. В социализме он примыкал к наиболее левому течению, отрицающему государство, которое еще в первом Интернационале получило название "анархизма."

Пропаганде и развитию идей анархизма Кропоткин и посвятил всю свою жизнь. Чисто научной работе он отдавал лишь свои досуги. В области научной мысли Кропоткин не дал и десятой доли того, что он мог бы дать, еслибы он посвятил себя всецело научной деятельности. Но и того, что внес П. А. в науку, было вполне достаточно, чтобы его имя получило мировую известность. В области науки П. А. работал в целом ряде научных дисциплин — геологии, географии, биологии, истории, социологии и этике. Во всех этих науках П. А. сказал свое новое слово и оставил заметный след. Так в области географии он совершил несколько открытий в Восточной Сибири и в увековечение его исследований географии названы именем Кропоткина открытые им горный хребет на Патомском нагорье и потухший вулкан.

В области геологии он является одним из главных творцов теории о ледниковом периоде и, как след его работ в геологии, в этой науке укоренилось много терминов, введенных впервые Кропокиным, как, например, "курчавые скалы." Кропоткин дал теорию о строении Сибирских гор и на основании составленных им географических карт Восточной Сибири были изменены все географические карты, а позднее знаменитый немецкий геолог Эдуард Зюсс в своем классическом труде "Лик Земли" использовал данные

Кропоткина для характеристики строения Восточной Сибири.

В области биологии Кропоткин является одним из творцов теории "Взаимная помощь — как фактор эволюции." Эта теория разработана П. А. в противовес знаменитой теории Дарвина "О борьбе за существование." Вопреки Дарвину, опираясь на огромное количество собранных им фактов из жизни низших и высших животных, дикарей и цивилизованных людей, Кропоткин доказывает, что борьба и насилие не являются основой свободного человеческого общества, а представляют лишь "неизбежное зло," которое должно исчезнуть из жизни культурного человека.

"Историки, говорит П. А., сильно преувеличивают ту часть человеческой жизни, которая отдавалась на борьбу, и совершенно не дают должной оценки мирной работе человечества. Ясные и солнечные дни, продолжает он, теряются из вида, ради описания бурь и шквалов, а между тем, основной причиной всякого прогресса были не эти бури и шквалы, являющиеся лишь внешним проявлением невидных изменений в психике народных масс, а те общественные инстинкты и нравы, которыми одними и держится вся социальная жизнь людей."

Влияние и результаты теории Кропоткина о взаимной помощи — как фактора прогресса и эволюции — еще только начинает сказываться в области биологии и социологии. Но без сомнения, в будущем эта теория произведет крупный переворот в научном мышлении и откроет перед человечеством новые горизонты.

Точно также еще мало оценен и мало использован в области социологии взгляд Кропоткина на роль и творчество народных масс. Кропоткин, обосновывая свою философию анархизма на теории "бесконечно малых величин," признавал, что главными деятелями в истории являются не "герои," не "вожди," а безвестные массы трудящихся. П. А. считал, что трудящиеся массы, объединенные солидарностью и проникнутые идеями взаимопомощи, являются главным орудием социального прогресса. Необходимо приобщить эти массы к благам культуры и науки, и в тот день, говорит П. А., "когда наука сделается достоянием масс, человечество далеко двинется вперед, черпая бесконечные силы в свободном коллективном труде."

Вот почему П. А. и посвятил все свои силы, всю мощь своей души, всю кипучую энергию бескорыстному служению народным массам и борьбе за их освобождение. Ради этого он пожертвовал своим блестящим положением в обществе и своей научной карьерой, предпочитая всему этому необеспеченную жизнь изгнанника-эмигранта.

Главною целью своей жизни П. А. ставил распространение идей безгосударственного социализма и выработку научных основ анархического мировоззрения. Он хотел показать человечеству, что анархизм не есть синоним беспорядка и хаоса, а наоборот, является идеальным общественным строем, согласным с выводами современной науки, "царством божьим" на земле, где не будет ни обездоленных, ни униженных и эксплоатируемых.

Пророк новой свободной общественности, Кропоткин принес трудящимся массам светлую мечту о безвластном обществе, в котором свободные люди-братья будут свободно трудиться на вольной земле.

В течение почти полувека Кропоткин неустанно не переставал вселять в сердца рабочих веру в возможность социальной революции и звал их на борьбу за новый строй. Он энергично критиковал взгляд социал-демократов, что социальная революция будет возможна только тогда, когда капитал будет сосредоточен в руках немногих "магнатов капитализма." Близко принимая к сердцу страдания трудящихся масс, Кропоткин не хотел ждать того отдаленного момента, когда, благодаря развитию производственных сил общества, наступит благоприятный момент "экспроприации экспроприаторов."

Придавая большое значение психике, сознанию, П. А. старался убедить рабочих, что приход революции и ее успех зависит от коллективных усилий рабочего класса. В то же время П. А. не переставал повторять, что "одного разрушения не достаточно," а необходимо думать и о том, что делать на другой день революции, как нужно организовать производство на новых более справедливых началах. Кропоткин — один из первых революционеров мира эсно и справедливо сказал, что главная задача революционера и социалиста состоит не в разрушении, а в созидании. Кроме того, Кропоткин был одним из первых социалистов, которые внесли в социализм идею о том, что социализм может быть осуществлен лишь общим желанием рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. Еще в 70-х годах прошлого столетия, в то время, когда социал-демокра-

ты признавали носителем революции только один рабочий класс, пролетарит, а социалисты-народники возлагали все свои революционные надежды на крестьянина, П. А. писал: "Только в тот день, когда рабочий и земледелец пойдут рука об руку завоевывать равенство для всех, революция победит мир и принесет счастье всему человечеству, как в убогую хижину крестьянина, так и в рабочие кварталы городов."

П. А. проповедывал не только единение рабочих и крестьян, но признавал необходимым объединение самой промышленности с земледелием, и труда физического с умственным. Он развивал идеи о соединении города с деревней, об интеграции промышленного и умственного труда с земледельческим. Здесь нет возможности останавливаться даже кратко на этой стороне учения Кропоткина, и поэтому я отсылаю всех интересующихся этими вопросами к его книгам "Хлеб и Воля" и "Поля, фабрики и мастерские."

Огромной заслугой Кропоткина в области социализма является еще то, что он один из первых социалистов стремился указывать, что социализм неразрывно связан с этикой. Апостол социальности и солидарности, Кропоткин глубоко этичен и он требовал, как от себя, так и от других революционеров, бескорыстного и героического служения революционной идее.

"Мы все, говорит он, должны жить для великого дела торжество справедливости и свободы, но для этого необходимы мужественные и нравственные личности."

Реалист и революционер, П. А. признавал необходимость этики; сталкиваясь с революционерами всех стран и самых разнообразных оттенков, он видел, как многие из них морально неустойчивы. Вот почему он при каждом удобном случае не забывал говорить о моральной стороне социализма и задумал написать книгу об этике. Он намеревался дать реалистическое и естественно-научное обоснование этике и думал своей книгой вдохновить молодые поколения на борьбу за социализм, зажечь в их сердцах стремление к высокому идеалу, убедив людей, что "счастье не в единоличном наслаждении, не в эгоистических, хотя бы и высших радостях, но в борьбе за правду и справедливость среди народа и за одно с народом." За эти призывы, за горячую защиту интересов эксплоатируемых масс, трудящиеся всех пяти частей света считают Кропоткина своим другом и учителем. Кропоткин пользуется широкой популярностью не только в странах Западной Европы, но и в Америке и даже в Японии, Индии и Китае. В Китае в особенности труды Кропоткина широко распространяются и изучаются. В 1919 г. в Пекине организовалось, между прочим, революционное общество под названием "Хучжу-тцань" (Взаимная помощь), ставящее своей целью переустройство общества на основах учения Кропоткина.

Конечно, новый социалистический строй нельзя всецело создавать по теории Кропоткина или Карла Маркса, — этот строй может быть лишь результатом коллективной работы и коллективного мышления всех трудящихся. Но все стремящиеся к новым формам общественной жизни, несомненно, почерпнут из произведений Кропоткина более, чем у кого-либо, полезных уроков и сведений, так как Кропоткин является одним из тех немногих социалистов, книги которого были продиктованы желанием найти практические подходы к разрешению сложного социального вопроса. В произведениях Кропоткина чувствуется биение жизни, и каждая книга его чужда догматизма и абстрактной схематизации.

Вот почему его произведения, в особенности "Хлеб и Воля," "Поля, фабрики и мастерские" и "Взаимная помощь" еще долгое время будут будить мысль и направлять ее на поиски новых путей общественного переустройства, в то время как его "Речи Бунтовщика" еще долгие годы будут служить для эксплоатируемых и угнетенных всего мира призывом к активному протесту против гнета и насилия и к борьбе во имя свободы, справедливости и братства. Кропоткин, впитавший в себя социалистические идеи Первого Интернационала, критически пропустивший сквозь призму своего ума и давший им естественно научное и историческое обоснование, несомненно, послужит для будущих историков социализма пограничной вехой между двумя периодами развития социалистической мысли — периодом социализма критического и периодом социализма положительного и творческого.

Грядущий историк должен отметить, что Кропоткин принадлежал, с одной стороны, к лагерю выдающихся социалистических мыслителей второй половины 19 века, вместе с ним подверг жестокой критике капиталистический порядок, но, вместе с тем, он попытался первый выявить творческие стороны социализма и указал на то, что социализм должен главное свое внимание уделять

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ИДЕАЛЫ ПО КРОПОТКИНУ И ГЕНРИ ФОРДУ

Редко можно встретить человека, который не относился бы сочувственно к идеалам Петра Алексеевича, но вместе с тем обычно его считают мечтателем, утопистом, чуть ли не фантазером. А между тем вся сила его учения, все обаяние его произведений, как на научно развитых людей, так и на простых трудящихся, вытекает не только из его прекрасного слога, не только из его умения общедоступно излагать самые сложные общественные вопросы, но главным образом из того обстоятельства, что его идеалы основаны на действительности, на изучении явлений, доступных наблюдению каждого.

К общественным вопросам он подходит методами естествознания. Он делает свои выводы из наблюдения фактов, фактами же он их проверяет, а не основывается на отвлеченном мышлении, на так называемой "диалектике."

Любопытнее всего, что даже самые ярые противники учения Кропоткина, — те, кто некогда сажали его самого в тюрьмы, и те, кто ныне систематически "изолируют" его последователей (выражаясь стыдливым слогом людей, сочетающих тюрьмы с социалистическими началами), словом, все гонители анархизма и анархистов, решительно все находят идеалы Кропоткина прекрасными, но осуществимыми лишь в далеком будущем. Так, даже жандармский полковник Новицкий, который допрашивал П. Алексеевича в 1874 году, читая его рукопись, воскликнул со смехом:

— Да, неужели, князь, вы верите, что все это возможно среди нашей русской тьмы? Все это прекрасно, чудно, но, ведь, на это надо двести лет, по крайней мере.

— А хотя бы и триста, — ответил Кропоткин.

С легкой руки жандарма Новицкого этот аргумент стал ходячим доводом против всех последователей Кропоткина.

Говорить о сроках существования того или иного общественного идеала, гадать о будущем — такой же праздный вопрос, как и вычислять, когда осуществится, например, ликвидация безграмотности в России, задача, поставленная в порядке дня чуть ли не непосредственно за революцией и все ждущая своего разрешения. Недавно мне пришлось прочесть газетную статью Крупской-Лениной, председательницы комиссии по ликвидации безграмотности, в которой она пессимистически указывает, что задача осложняется тем, что подростает все новая и новая безграмотная детвора. Неужели из-за неопределенности срока ликвидации безграмотности эту задачу нужно считать утопией?

Факт тот, что идеалы Кропоткина, так же как и ликвидацию безграмотности, нужно и можно теперь же проводить в жизнь, — в организацию земледелия, промышленности и товарообмена на кооперативных началах, в политическую жизнь на основах свободных профессиональных союзов, способных противодействовать государственному произволу, во имя свободного проявления народной самодеятельности и т. д.

Революционер Кропоткин не имел в виду навязывать народным массам свои схемы, а лишь стремился раскрепостить свободное развитие общества от гнета и извращений государственной власти.

Кто хочет отрицать осуществимость идеалов Кропоткина в настоящем, тот должен доказать, что факты, на которых они основаны, не соответствуют современной же действительности. На деле в зарубежной литературе и в нашей идейно убогой казенной печати, ревниво оберегаемой от уничтожающей критики свободной мысли, вы найдете, сколько угодно злостных инсинуаций против последователей и проводников в жизнь учения Кропоткина, но ни одного веского аргумента против его теорий.

С другой стороны трудно себе представить более фантастическую утопию, чем та,

---

созидательной, творческой стороне. Старый социализм — догматический, абстрактный и теоретический — обречен на умирание, и в наши дни зарождается и оформливается новый социализм — действительный, творческий и созидательный.

Без сомнения, этот социализм воспримет и впитает в себя многие идеи и мысли Кропоткина, которые послужат одним из элементов социалистического миросозерцания грядущих дней.

Н. Лебедев.

которая недавно проводилась в жизнь и которую государственная власть продолжает и теперь, правда, в более смягченной форме, но все теми же старыми принудительными приемами неограниченной власти.

В основе этой утопии лежит ходкая в сороковых годах прошлого века, но ныне явно устаревшая теория технической централизации производства, которая преподносится нам, — хуже того, насильственно навязывается нам под названием марксизма.

Если развитием техники производство централизуется, то и управление им тоже должно быть объединено, отсюда марксистский лозунг сосредоточения производства в руках идеализированного государства, отсюда потуги создать единый хозяйственный план для всей страны, знаменитый "госплан" и осуществляющий его орган — ВСНХ.

Как решить спор, возникший свыше 50-ти лет тому назад в рабочем Интернационале и расколовший его на два противополжных и враждебных лагеря? Спор между государственным социализмом и анархизмом?

Разрешить его научно можно только объективными наблюдениями и фактами, взятыми из самой жизни. Так поступают ученые в положительных науках.

С этой точки зрения весьма ценный материал представляет из себя много нашумевшая, но плохо анализированная, книга одного из крупнейших американских предпринимателей и миллиардера Генри Форда, озаглавленная "Моя жизнь, мои достижения."

Форд — типичный капиталист-удачник нашей эпохи; по нашей советской терминологии его следует назвать "трудовым капиталистом." Его книга отражает не мечтания богача, но личный опыт и наблюдения дельца; она ценна не хвастливым самолюбованием автора своей практичностью, не его умилением перед высокими ставками, выплачиваемыми рабочим, не обывательскими афоризмами, которыми изобилует книга, но тем, что она дает объективный фактический материал относительно технической и организационной эксплоатации труда в современном образцовом капиталистическом производстве.

Подтверждает ли Фордовская практика теорию технической централизации производства? Если она, как идеальный тип новейшего капиталистического производства, за которым тянется, не всегда достигая тех успехов, вся крупная промышленность, не подтвердит централистические догматы марксизма, то и вся наша послереволюционная экономическая политика, как старая, так и новая, окажется построенной на песке.

Когда 26 лет тому назад Кропоткин выпустил свой труд "Поля, фабрики и мастерские," в котором, на основании общинного фактического материала, вскрыл всю несостоятельность теории централизации промышленности, то многим даже среди анархистов этот взгляд показался натянутым, парадоксальным, чуть ли не односторонней подтасовкой фактов в пользу предвзятой мысли. Так глубока была вера, что в капиталистическом океане большие акулы пожирают мелких рыб. Но в том-то дело, что в человеческом обществе, как и в океане, сколько не истребляют крупные рыбы мелких, число последних не уменьшается, их виды не только не исчезают, но, напротив, продолжают преобладать.

Если анархиста Кропоткина все же можно было взять под сомнение, как теоретика с предвзятыми мыслями, то Г. Форда, этого практика-дельца и капиталиста до мозга костей, ни в коем случае нельзя заподозрить ни в социализме, ни в анархическом коммунизме. Как же он оценивает современную технику крупнейшего и типичного капиталистического производства?

> "Самый экономический метод производства, — говорит он, — будет состоять в том, что все части изделия будут изготовляться не под одной и той же крышей. Я подразумеваю сложное изделие. Каждая отдельная часть будет производиться там, где она может быть сделана наиболее совершенно, собираться же все части будут в центрах потребления" (2-е изд. стр. 78).
>
> "Промышленность, в высшей степени нормализованная и дифференцированная, — говорит он далее, — никоим образом не должна концентрироваться в одном единственном фабричном здании, а должна принимать в расчет связанные с производством расходы по перевозке и затруднения из-за дальности расстояния" (стр. 124).

Не находите ли вы теперь изумительным, что идеал, выдвинутый четверть века тому назад Кропоткиным об объединении земледельческого труда с промышленным, — идеал, который многие до сих пор считают утопией, проводится в жизнь капиталистом Фордом в то время, как наше "социалистическое" государство все еще считает крестьянство по необходимости терпимым злом, "мелко-буржуазной стихией," над которой необходима "диктатура" промышленного пролетариата, суть которой сводится к выжиманию из землеробов под налоговым прессом лучших соков для поддержания ма-

локровной, искусственно созданной промышленности?

К идеалу слияния земледелия с промышленностью Форд подходит с чисто деловой практической точки зрения: деревня, как и фабрика, тоже имеет свой мертвый сезон; слияние или, вернее, совместительство различных ремесл материально выгодно; нам тогда не пришлось бы говорить о "застое." Эта мысль настолько одушевляет практичного американца, что он впадает в чисто Кропсткинский пафос:

"Нам следует все же трактовать случай с общественной точки зрения. Мы не должны забывать, какая повышенная энергия одушевила бы эти толпы после 3-4 месячной работы на свежем воздухе," восклицает Форд и тут же практично добавляет: "Нельзя также оставлять без внимания влияние, которое произведет на стоимость существования всеобщее возвращение в деревню" (стр. 258).

Производя в массовом масштабе два предмета широкого потребления — автомобиль и трактор — и стремясь все более и более расширить сбыт продуктов своего производства, Форд задумывается над вопросом: кто же потребители его фабрикатов?

Уж, конечно, не нищие папуасы или голые негры центральной Африки. Свое внимание Форд обращает на земледельческое население собственной страны и тут сызнова открывает то, что 26 лет тому назад ясно формулировал Кропоткин:

"Мы всегда имели недостатки товаров и никогда — перепроизводство" (185). "Когда сельское хозяйство и промышленность закончат свою реорганизацию, они будут дополнять друг друга: они являются дополнительными, а не обособленными комплексами. В качестве примера, я хотел бы привести нашу фабрику клапанов. Мы построили ее в деревне, на расстоянии 18 (английских) миль от города, чтобы рабочие могли в то же время заниматься земледелием" (стр. 187).

"Между сельским хозяйством и промышленностью должен быть и может быть некий род спайки. Промышленность может дать фермеру то, в чем он нуждается, а фермер, подобно всем остальным производителям сырья, обеспечивает промышленника всем, что делает его работоспособным" (стр. 255).

Тут Форд замечает, что даже американкое земледелие страшно отстало в техническом отношении, что оно представляет неограниченные возможности для потребления продуктов фабричного производства и приходит к выводу:

"Внешняя торговля приводит ко многим заблуждениям. Следует пожелать, чтобы каждая нация научилась, насколько возможно, сама удовлетворять свои потребности. Вместо того, чтобы стремиться установить зависимость других наций от продуктов нашей промышленности, нам следовало бы желать, чтобы каждая нация создала свою собственную промышленность и собственную культуру, покоющуюся на твердом основании. Когда каждая нация научится производить те вещи, производство которых ей под силу, тогда мы постепенно дойдем до того, что станем служить друг другу в тех специальных областях, где отсутствует конкуренция" (стр. 320). "Наша внешняя торговля в значительной степени основана на отсталости наших заграничных покупателей... разве есть хоть один умный человек, который бы серьезно верил, что мир в состоянии еще долго устоять на современных началах, когда немногие нации снабжают весь мир? Мы должны освоиться с мыслью о том времени, когда все народы будут уметь обходиться собственными силами" (стр. 321). "В Соединенных Штатах так заняты развитием нашей собственной страны, что долго еще сможем обойтись без внешней торговли" (стр. 322).

"Попытка завладеть мировой торговлей может вызвать войну, но никогда не приведет к экономическому процветанию" (стр. 323).

По этим выдержкам вы можете убедиться насколько схожи выводы двух людей, исходящих из противоположных начал, но умеющих наблюдать и делать логические заключения из фактов — анархиста-коммуниста Кропоткина и крупного капиталиста Форда. Если бы Форд не был выше подозрений в чтении анархической литературы, то его можно было бы обвинить в плагиате.

* * *

Не менее удивительно совпадение взглядов Форда со взглядами Кропоткина на творческую роль рядовых рабочих в самой технике производства.

"Идеи летят к нам со всех сторон, — пишет Форд. — "Из иностранных рабочих поляки кажутся наиболее изобретательными. Один из них, не умевший даже говорить по-английски, дал понять, что изнашивание уменьшилось бы, если бы одно приспособление у его машины поставить под другим углом. До сих пор эта часть выдерживала только от четырех до пяти нарезов. Он был прав. Таким образом было сбережено много денег на отточку. Другой поляк, занятый на сверильном станке, придумал маленькое приспособление, чтобы сделать излишней окончательную обработку после сверления. Это приспособление было введено повсюду и дало большие сбережения. Люди часто пробуют маленькие изобретения на наших машинах, так как обыкновенно, если они сосредоточиваются на определенном деле и обладают талантом, то в конце-концов придумывают какое-нибудь улучшение" (стр. 144). И эти изобретения имеют место, заметьте себе хорошенько, при такой постановке работ, где, по собственному признанию Форда, "основным правилом является сокращение требований, предъявляемых к мыслительной способности рабочего" (стр. 118).

Признавая полезную роль рядового рабо-

чего в развитии техники производства, Форд тем не менее отвергает за ними право на какую бы то ни было организационную роль. Он решительно исключает всякое участие рабочего в хозяйственной организации производства.

"Личного общения у нас почти нет; люди выполняют работу и уходят домой, в конце концов фабрика не салон" (стр. 159). "Дисциплина везде строгая" (стр. 159).

"...всякого сорта люди принимаются, люди, например, драчуны. Драчливость в природе человека, и обыкновенно она считается поводом к немедленному расчету. Но мы убедились, что этим нельзя помочь драчунам, — они только уходят из нашего поля зрения. Начальники мастерских поэтому сделались изобретательными в придумывании наказаний, которые не причиняют ущерба семье провинившегося и не отнимают сами по себе много времени" (стр. 161).

"Мнение, что промышленное государство должно концентрировать свою промышленность, на мой взгляд неосновательно," — утверждает он в другом месте. — "Правда, существуют некоторые исключения, как, например, литейные заводы. В случаях, как в Ривер-Руже, мы стараемся соединить месторождение металла с литейным заводом, точно так же, как использовать без остатка все остальные производительные силы. Подобные комбинации, однако, скорее исключение, чем правило. Они не в состоянии помешать процессу разрежения централизованной промышленности" (стр. 260).

"Ныне фабрика, предназначенная для производства тракторов, закончена. Работа идет совершенно так же, как на автомобильных фабриках. Изготовление каждой отдельной части представляет собой миниатюрное предприятие, и каждая вещь подвозится по автоматическим путям сначала для частичной, и, наконец, для окончательной сборки" (стр. 270).

"День, когда перестали существовать деревенские мельницы, был дурным днем. Кооперативное сельское хозяйство сделает такие успехи, что мы увидим фермерские общества с собственными бойнями, в которых доморощенные свиньи будут превращаться в ветчину и сало, с собственными мельницами, на которых возделанное ими зерно будет превращаться в рыночный товар" (стр. 274).

Но вы спросите: каким методом Форд дошел до своих выводов?

Метод тот же, которым за четверть века до него пользовался П. А. Кропоткин: метод наблюдения и сравнения фактов. Но в то время, как Кропоткин, в качестве ученого, делал свои теоретические выводы из учения и анализа действительности во всем ее разнообразии, Форд был приведен к тем же выводам эмпирическим путем, так сказать, ощупью, личным опытом.

Быть может, вы обратили внимание на выше приведенные слова Форда: "промышленность, в высшей степени нормализованная и дифференцированная, никоим образом не должна концентрироваться."

Что это означает?

Это означает, что рядом с усовершенствованием орудий труда, с тем, что называется механизацией труда, играет существенную роль и ее организация, т.е. то, на что давно указывал Кропоткин и чего до сих пор не могут понять люди, которые все еще догматически продолжают утверждать, что одна только техника производства определяет общественные отношения.

Техника, как и дышло, куда повернешь, туда и вышло.

Доказательством тому служат знаменитые "достижения" Форда. Этот большой практик, но поверхностный мыслитель мнит, что он открыл Америку своей системой работы цепью для поднятия производительности труда. Кто читал "Жизнь животных" Брема, тот наверное помнит, что к этой самой системе прибегали обезьяны, когда хотят быстро и основательно ограбить плодовые сады. Эти смышленные животные тоже располагаются цепью от верхушки деревьев до ограды сада и передают из рук в руки нарванные плоды. Этим путем они настолько повышают производительность своего труда, что не успевает хозяин сада спохватиться, как сад очищается от лучшей части своего урожая.

Но разница между цепью обезьян, совершающих однообразный дифференцированный труд, и цепью рабочих вдоль движущейся ленты Форда та, — и эта разница говорит не в пользу человека, — что диффиренциация труда у животных, вследствие своей кратковременности, доставляет только одно удовольствие, тогда как у Форда, осуществившего ближайший идеал государственных социалистов, — 8-ми часовый рабочий день, — рабочие буквально разбегаются от одуряющего воздействия той же системы. Состав рабочих у Форда, по собственному его признанию, меняется от 3 до 6% в месяц, или от 36 до 72% в год. Иначе говоря, из 3—10 рабочих, по крайней мере, один, а то и два не могут выдержать больше года эту капиталистическую каторгу.

По этому сравнению, пусть несколько отдаленному, но по существу от этого не менее убедительному, вы можете судить, насколько прав Кропоткин утверждая, что техника производства — половина задачи, ибо не менее важна целевая организация труда. Одна и та же техника не приводит фатально к одним и тем же общественным

отношениям: она одинаково может быть использована и в интересах капиталиста в ущерб рабочим, и трудящимися для самих себя.

Если бы теория, что техника производства, так сказать, автоматически определяет общественные отношения, — а это положение составляет всю сущность так называемого "научного социализма," — была верна, то разве мы видели бы такое явление, что в технически отсталой стране, как Россия, вся мало-мальски крупная промышленность захвачена государственной властью, в то время, как в перезрелой в техническом отношении Северной Америке продолжает господствовать частный капитал?

Промышленная практика Форда и исторический опыт Октябрьской революции одинаково доказывают, что достижения техники и приемы организации производства — две разные, почти независимые вещи и что организационные формы у частного капиталиста Форда или у нашего государства-хозяина не могут быть нам ни образцом для подражания, ни путем к идеалу.

***

Практика Форда выдвигает еще один важный вопрос об отношении промышленности к земледелию. Дело в том, что Форд выбрасывает на рынок не одни только автомобили, но и земледельческие тракторы.

> "Наша фабрика, предназначенная для производства тракторов, закончена," пишет он. "...Производительность сегодняшней фабрики достигает одного миллиона тракторов в год" (стр. 270).

Цена, по которой они были выпущены на рынок в 1918 году, была 750 долларов или 1½ тысячи рублей, ко времени же выхода в свет книги Форда цена снизилась до 690 дол. и, наверное, будет продолжаться снижаться дальше. Словом, недалеко то время, когда трактор будет доступной и обычной принадлежностью крестьянского хозяйства, как для городских жителей швейная машина или велосипед.

Если считать мощность одного трактора в несколько лошадиных сил, то это составит несколько миллионов лошадиных сил, поставляемых земледелию одной только фабрикой Форда. Я уверен, что никогда в мире не существовал конский завод, способный вырастить столько лошадей ежегодно.

Мало того, трактор способен выполнять 95 различных работ в сельском хозяйстве, для большинства которых лошадь едва ли пригодна.

Из механизации земледельческого труда естественно вытекает облегчение ведения сельского хозяйства и сокращение потребного для него времени.

Земледелие — сезонная работа, замечает Форд. При пользовании тракторами "фактическая работа на средней ферме будет исполняться в 24 дня в году," вычисляет он (стр. 273). Это приводит практического американца к мысли об использовании свободного времени земледельца в промышленности. У него ясно осознанная мысль не отделяется от дела.

> "Мы сами — сообщает Форд — ...частично осуществили с удовлетворительным результатом такое слияние сельско-хозяйственных и фабричных работ. В Нортвилле близь Детройта у нас есть маленькая фабрика вентиляторов. Фабрика маленькая, правда, но она вырабатывает большое количество вентиляторов... Окрестные сельские жители работают одну часть года на фабрике, другую на фермах, потому что эксплуатируемое механическим способом хозяйство требует немного заботы" (стр. 258).
>
> "Производительность поддерживается не прямым надзором, а коллективной нормой выработки, своего рода коллективной сдельщиной. Если в одном отделении что-нибудь не в порядке, справка о производительности тотчас сообщает об этом, наблюдатель производит расследование, и начальник мастерской начинает гонку" (стр. 141).

Словом, насколько Кропоткин и Форд сходятся в объективной оценке общего направления развития хозяйственной жизни,— во взглядах на децентрализацию промышленности, в объединении промышленного труда с земледельческим, в развитии производства для удовлетворения внутреннего рынка, наконец, относительно роли самих рабочих в усовершенствовании техники производства, — настолько же Фордовская практика представляет прямую противоположность идеалу Кропоткина непосредственного управления производством свободными объединениями трудящихся.

Очевидно, сознавая всю принципиальную шаткость своего единоличного владения и управления всеми орудиями труда, после того как практика наглядно показала ему, что коллективный труд — единственный источник всех наших богатств, Форд прибавляет:

> "Капитал, проистекающий сам собою из предприятия, употребляемый на то, чтоб помогать рабочему итти вперед и поднять свое благосостояние, капитал, умножающий возможности работы и одновременно помножающий издержки по общественному служению, будучи даже в руках одного лица, не является опасностью для общества. Он ведь представляет собой исключительно ежедневный запасный рабочий фонд, доверенный

(?) обществом данному лицу и идущий в пользу общества" (стр. 262).

В этой оценке или, вернее, переоценке своей роли в производстве Форд приближается не к Кропоткину и анархизму, а к государственному социализму. Разница между ними лишь та, что первый идеализирует личность предпринимателя, а вторые — государственную организацию. Поэтому практика Форда так близка к практике нашего государственного капитализма — по отстранению трудовых масс от прямого управления производством, переданным в руки назначаемых чиновников, по строгой дисциплине, по стремлению применять крайне дифференцированный труд под названием НОТ-а, по проведению твердых норм выработки, по поощрению технического и административного персонала высшими ставками и т. д.

***

После всего изложенного на вопрос, что общего и какая разница во взглядах на действительность между идеалами Кропоткина и Форда, мы должны ответить, что теоретик Кропоткин и практик Форд сходятся в оценке действительности, но прямо противоположны в своих идеалах.

Для Форда идеал рабочего — это хорошо оплачиваемое человеческое существо, без рассуждения исполняющее все требования своего хозяина-господина, рассматривающего его, как живой придаток к машине. Идеал же Кропоткина — свободные трудящиеся, добровольно организованные в производственные объединения, пользующиеся всеми достижениями и техники, и организации производства, но направленные на оберегание их физической, умственной и нравственной гигиены.

А. Атабекьян.

ТРИДЦАТАЯ ГОДОВЩИНА СМЕРТИ П. А. КРОПОТКИНА

Всякий период в человеческой истории богат многими великими личностями, мыслителями, борцами и мучениками, участвовавшими в борьбе за великую идею освобождения порабощенного человечества. Но личность П. А. Кропоткина — этого духовного бунтаря и великого революционера — занимает особое место в освободительном движении нашего времени. Его имя вызывает не только обыкновенное представление о великом человеке: оно — синоним самой прекрасной идеальной души цельного человека. Сын великой страны — России, сын многострадального трудового народа, давшего миру таких великанов анархической мысли, как М. Бакунин и Л. Толстой, П. Кропоткин известен не только как анархист, но и как ученый, применивший естественно-научный метод к исследованию и разработке идей коммунистического анархизма.

Главные и важные заслуги П. А. Кропоткина заключаются в том, что он был первым среди других теоретиков анархизма, научно обосновавшим это учение. Бесспорно, что и до него были попытки обосновать и разработать учение анархизма, но никто из его предшественников не может сравниться с ним, ибо только ему — человеку с богатой эрудицией, знакомому с современными науками: естествознанием, историей, социологией и философией, такая работа и могла быть под силу. И благодаря его прекрасным работам в этой широкой области человеческого знания, анархизм был последовательно и научно обоснован.

Среди многочисленных трудов П. Кропоткина, принесших ему заслуженную мировую известность, как лучшего анархического теоретика ,самое важное место занимают следующие произведения: "Хлеб и воля," "Государство и его роль в истории," "Поля, фабрики и мастерские," "Взаимная помощь, как фактор эволюции" и "Этика."

В книге "Хлеб и воля" П. Кропоткин изображает идеал того, как должна быть совершена социальная революция, являющаяся необходимой предпосылкой построения нового свободного общества. Затем он излагает идеи и планы такого общества, построенного на свободных коммунистических началах, и указывает, что построение свободного общества возможно лишь при непосредственном участии трудового народа. Он далее поясняет, что человеческая борьба за лучшую жизнь и свободу, за хлеб и волю ведется с тех пор, как исторически появились частная собственность, как фактор угнетения и эксплоатации, и государство, как организованный институт насилия. Частная собственность возникла на грабеже и на-

сильственном присвоении того, что прежде являлось общим достоянием. Государство же есть не что иное, как организованная охрана капиталистического хозяйства. Социальное неравенство людей породило в обществе два враждебных класса, интересы которых находятся в непримиримом противоречии: с одной стороны—класс имущих, держащий в своих руках все средства производства, все огромные богатства, накопленные трудом всего человечества, и монополизирующий все блага науки и искусства, а с другой — класс обездоленных рабочих, лишенных всякой собственности и принужденных продавать свою единственную мускульную силу. Чтобы положить конец этой кричащей несправедливости и добиться экономической свободы, нужно уничтожить деление общества на классы, что может осуществиться только в результате уничтожения частной собственности.

"Государство и его роль в истории" — небольшая книжка, посвященная историческому исследованию института власти — государства. В этой замечательной, хотя и небольшой работе П. Кропоткин разбирает историческое зарождение и развитие государства и доказывает многочисленными примерами, что люди жили обществами — свободными обществами — много веков до появления государства. Собственно говоря, государство, как нечто собирательное и единое, стало существовать, начиная лишь с 16-го века, а до того времени самыми лучшими периодами в человеческой истории были те времена, когда жизнь свободных коммун (исторически известных вольных городов), объединенных в федерации, не были затронуты еще нарождавшейся государственной властью. Государство на своем историческом пути никогда не играло культурной или освободительной роли, ибо оно есть орудие организованного насилия над трудовой частью человечества. Государство, поэтому, должно быть разрушено, ибо в противном случае оно раздавит личность и ее стремления к свободной жизни, завладеет всеми областями человеческой деятельности и принесет с собою постоянные войны и борьбу за обладание властью и богатствами. И на развалинах разрушенного государства возникнет новая, свободная жизнь — на почве личной и групповой инициативы и вольного соглашения.

В книге "Поля, фабрики и мастерские" П. Кропоткин прекрасно показал, каким образом каждый народ сможет обеспечить себя, при помощи химической обработки земли, необходимыми продуктами питания. Он установил, что во многих крупных промышленных странах в настоящее время замечается параллельно с новыми техническими изобретениями сильное стремление к развитию и усовершенствованию отдельных мелких хозяйств. Такое стремление в некоторых местах неизбежно приводит к децентрализации промышленности.

Во многих областях человеческого труда — земледельческой и промышленно-фабричной — надо признать вполне доказанной ту мысль, что если только небольшая часть времени, затрачиваемого на обработку полей и производство продуктов, была бы уделена и постоянному улучшению земледельческих и фабричных машин, то человеческий труд не был бы тяжелым ярмом и проклятием. В течение многих тысячелетий добывание пищи было тяжелым бременем для человечества. Но теперь надобность в тяжелом труде миновала. Человеческий опыт, наука и техника все больше и больше облегчают труд и не далеко уже то время, когда человек, во многом победивший природные силы, перестанет быть придатком к машине и добьется своего полного освобождения.

В книге "Взаимная помощь, как фактор эволюции" П. Кропоткин изобразил прекрасную и грандиозную философию солидарности — философию, не рожденную в кабинете ученого, но естественно порожденную самой жизнью, жизнью всех органических существ — от насекомых и животных до человека. В этой книге отрицается односторонняя теория Дарвина— "борьба за существование" и дарвинизм значительно пополняется новым этическим фактором — взаимной помощью, основанной на фактах и научных исследованиях природы и человеческих обществ. Приведенные в книге многочисленные примеры указывают на то, что практикование взаимной помощи и солидарности не только облегчает существование или жизнь людей, но оно также развивает моральные чувства и интеллигентность отдельных индивидов и целых обществ.

Социальность или общественность жизни существует с давних времен: она зародилась и наблюдалась еще в мире животных и существовала задолго до рождения или появления человека на земле. Солидарность и взаимопомощь вызвали инициативу личности и творческую самодеятельность массы. Постоянная же борьба между властью и свободой или насилием и взаимопомощью, ко-

торая тянется на протяжении всей человеческой истории, есть выражение двух враждебных стремлений. Первое стремление — борьба привилегированного меньшинства — является антисоциальным, в то время как второе стремление, основанное на здоровых социальных инстинктах массы, развивает свободную инициативу и творческие силы большинства людей. В этом — залог грядущей свободной общественности. Взаимная помощь и солидарность — вот действительные факторы новой социальной жизни.

"Этика" является последним, посмертным произведением П. Кропоткина — завершением всех его научных, социальных и философских идей. В этой книге разбираются, главным образом, вопросы о происхождении и историческом развитии нравственности.

Нравственные понятия и справедливые обычаи людей не предписаны законами власти или государства: они — естественный продукт общественной жизни, которая порождает среди людей инстинкты общительности, взаимопомощи и солидарности, в дальнейшем развитии претворяющиеся в чувства доброжелательности, симпатии и любви. Из этих общественных инстинктов и чувств и берет свое начало человеческая мораль, т.е. совокупность справедливых нравственных понятий и предписаний. Моральный обычай — это неписанный закон, которым люди пользуются еще с древних времен, хотя зачатками нравственных инстинктов и поступков надо считать общительность и взаимопомощь среди низших и высших животных.

В основе человеческой этики лежат три элемента нравственности: взаимопомощь, солидарность и справедливость. Эти элементы — необходимая предпосылка морали недалекого будущего — морали, отвергающей безнравственное и несправедливое деление людей на высших и низших, на господ и рабов, на правителей и подвластных. Новая мораль, основанная на общей солидарности, свободе и равенстве, установит свободное сотрудничество людей на общую пользу человечества.

Вот те основные идеи и взгляды в учении П. Кропоткина, развитые им в его пяти главных трудах и ярко рисующие контрасты и несправедливости социальной жизни.

В других своих произведениях, как "Речи бунтовщика," "Современная наука и анархия," "Идеал и философия анархизма," он планомерно разбирает научные, теоретические и практические вопросы коммунистического анархизма. Он показывает, что стремление к независимости, свободе и материальному довольству всегда наблюдалось среди широких масс народа. Такое стремление наблюдается и в настоящее время и выражается, с одной стороны, в ослаблении силы современного государства, а с другой в изменении или уничтожении капиталистической собственности. Но это стремление не идет последовательно и прямо к цели, ибо только анархия, т.е. свободная жизнь свободных людей, есть последовательное и естественное выражение всех стремлений современного трудового человечества.

В живых красках рисует П. Кропоткин глубокий контраст социальной жизни. С одной стороны — кучка богачей с их роскошной жизнью паразитов, а с другой — многомиллионный трудовой народ, живущий бедной, страдательческой жизнью честных тружеников. Капиталисты и властители, сидящие на шее трудящихся, и рабочие, создающие для них все богатства. Это продолжается из года в год, из столетия в столетие, и на протяжении всей человеческой истории не было случая, чтобы капиталисты и власть имущие по своей доброй воле отказались от эксплоатации и порабощения народа. Наоборот, враги трудового народа всегда неуступчивы и кровожадны. Многочисленные факты из истории рабочего движения разных стран ясно показывают, что у рабочих в среде других классов всегда находится больше врагов, нежели друзей. Поэтому, залог освобождения рабочих находится в их собственных руках. И чем сильнее трудовой народ будет бороться против своих исконных врагов — капитала и власти, тем скорее он добьется полного освобождения.

Л. Липоткин.

Памяти Жертв Русской Революции

Нам выпало счастье — все лучшие силы
В борьбе за идею всецело отдать,
Теперь же готовы мы вплоть до могилы
За дело свободы терпеть и страдать.

Терпеть без укора, страдать без проклятий,
Спокойно и гордо в тиши угасать,
И тихо страданьем своих юных братий
На бой за свободу и равенство звать.

Вера Фигнер.

УГРОЗА ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Что день грядущий нам готовит? Он несет нам одно из самых страшных социальных зол — войну, если не произойдет каких-либо неожиданных и при том самых коренных перемен во внешней политике Кремля или Вашингтона. Столкновение двух гигантов неизбежно: катастрофа может разразиться в любой момент.

Время и место кровавой свистопляски в значительной мере зависит от Москвы. Судьба вложила в руки Сталина и его Политбюро тот рычаг, посредством которого они могут или пустить под откос поезд истории, или направить его на мирный путь. Буржуазия первой в драку не полезет. Принципы справедливости, в нарушении которых больше всего повинен Сталин и его клика, чужды для буржуазии, которая сама их часто нарушает. Как правило, буржуазия прибегает к оружию лишь тогда, когда угроза ее существованию становится вполне очевидной. У буржуазии, помимо войны, имеются иные способы для опутывания "малых сих." Чеховскому герою, олицетворявшему нарождавшийся в царской России капитализм, не нужны были войска для того, чтобы завладеть чужим вишневым садом и вырубать его. У большевиков, кроме грубой силы, никаких возможностей нет для расспространения своих идей. Еще не было такого случая, чтобы большевизм восторжествовал без насилия. Нет сомнения, что Сталин давно приказал бы палить из пушек, еслибы был уверен в легкой и скорой победе. Но у него этой уверенности нет. Логика вещей говорит, что ее не будет и в будущем, ибо маховое колесо военной подготовки в буржуазном стане начинает все быстрее и быстрее вращаться. Но тут на первой план может выступить то, что обыкновенно называется безумием. Говорят, Гитлер пустился на кровавую авантюру под влиянием "внутреннего" голоса. Где гарантия, что это не случится со Сталиным? У "отца народов" может разыграться, говоря его же словами, "головокружение от успехов," а когда у человека кружится голова, — нельзя ожидать от него ничего толкового.

Европа уже истощена и разорена войнами. Бывший центр мировой культуры, краса и гордость человечества, превращен в беспомощного инвалида, слезливо протягивающего руку к заокеанской соседке за помощью. Такой же участи может подвергнуться и все человечество, если вихрь третьей войны пронесется над миром. Ибо всякая война, даже самая успешная, оставляет после себя бесконечное количество минусов. Рарзрушенные материальные ценности, быть-может, еще можно с течением времени восстановить, но как восстановить разрушенные духовные ценности? Как воскресить погибших? Как утешить горе тех, кто теряет на войне самых близких и дорогих? Как возвратить руки и ноги калекам? Как вернуть рассудок тем, кто в результате войны попадает в дома для душевно больных? А огрубение нравов? А падение морали? А неизбежные спутники войны — эпидемические болезни? Все это неискупимо никакими победами. И люди, хоть немного дорожащие общественным благополучием, всегда старались избегать международных катастроф. Увы, судьба человечества в данный момент находится в руках таких людей, для которых общественное благополучие ничего не значит. Большевики по своей природе — копия средневекового католицизма. Московский папа так же не терпит инакомыслящих, как и римский папа. (Пока что большевики называют Сталина не папой, а отцом.) Сталину хочется, чтобы весь мир думал и действовал под его диктовку.

Известно, что в области социальных отношений действуют особые эволюционные законы, сглаживающие старые антагонизмы. Было время, когда от нарождавшейся буржуазии в правящих кругах отмахивались, как от чумы. "Голубая кровь" считала величайшим позором сидеть за одним столом с необтесанными капиталистами. Первым представителям США долгие годы был закрыт доступ в хоромы верховодителей в некоторых столицах. (Екатерина II в этом отношении сыграла далеко не последнюю роль, упорно отказываясь признать новую республику.) Время, однако, взяло свое. Теперь первый министр его величества (не Эттли) уже, повидимому, не считает позором беседовать с вашингтонскими главарями. На этом основании вполне возможно допустить, что вражда между большевиками и буржуазией, если тем и другим суждено существовать, с течением времени прекратится. Большевики немного обуржуазятся, а буржуазия немного обольшевичится... Но это вопрос будущего, а пока что вражда продолжает существовать и, как нам кажется,

больше всего по вине большевиков, которые превращаются в ягнят и готовы разговаривать с инакомыслящими лишь тогда, когда они чувствуют свою слабость. В тех же случаях, когда сила бывает на их стороне, они ничего другого не знают, кроме "секим башка," как охарактеризовал Сталина один юморист. Красный диктатор приходит в неописуемую ярость при мысли о сопернике, — будь то отдельная личность, группа лиц или целое государство. На этом основании он истребил всех своих бывших соратников, по этим же мотивам ему не дает покоя растущая мощь США.

Казалось бы, что после разгрома Гитлера большевики должны были бы угомониться: в их руках уж пол-мира, чего же еще надо? Но нет. Имея пол-мира, — хотят весь мир. Был бы в их распоряжении весь мир, захотели бы два таких мира. Точь в точь — пушкинская старуха в сказке о рыбаке и рыбке. Отрадным заключением из этого может быть лишь то, что финал большевистских вожделений уподобится финалу пушкинской старухи — разбитое корыто.

Трудно предположить, что предпримут большевики в ближайшем будущем. Их вотчина ограждена от остального мира железным занавесом, поэтому никто в точности не знает, что готовится на красной кухне. Одни думают, что большевики начнут войну еще в этом году для того, чтобы помешать США привести в исполнение свою подготовительную военную программу. Называют даже месяцы начала военных действий — май или июнь. Другие полагают, что Сталин на подобную авантюру не решится, ибо ему в точности известно, что в арсеналах США хранится не менее 1,000 атомных бомб. Известно, какое опустошение произвела в Хирошиме одна атомная бомба. Что же может остаться от Москвы, если там будет сброшено несколько таких бомб? Страх сдерживает большевиков, но этот страх может быть заглушен безумием. Пострадает, конечно, более всего и прежде всего беззащитное население СССР. Сталин и его клика укроются в подземельи, население же будет гибнуть в атомном аду.

Однако, Сталина не это беспокоит: чужой жизнью он не дорожит. Беспокоит его то, что у него нет физической возможности высадиться со своими полчищами на территории США, без чего победа не возможна. Сталин может быстро захватить всю Европу, быть-может, даже Азию, и тем не менее он будет далек от победы. Война затянется. С каждым днем мощь США будет возрастать, а мощь Сталина, вследствие разрушенных индустриальных центров, — падать. Нет сомнения, что большевики пироизведут налеты на американские города, но эти налеты будут носить случайный характер, ибо у большевиков нет вблизи США военных баз.

Сам собою напрашивается вывод: если большевикам не справится с США, то войну следует считать желательным явлением, ибо она в конце концов приведет к гибели большевизма. Так многие и говорят. Но такая точка зрения слишком жестока, бесчеловечна. В сущности это будет тот же большевизм, только под другим названием. Ибо как для большевиков **не важно, какой ценой,** лишь бы удержаться у власти, так и тут **не важно, какой ценой**, лишь бы свергнуть большевиков, которые легко не сдадутся и будут упорно защищаться. В результате изойдет кровью не только Россия, но в значительной степени и США. Победителям достанутся груды пепла и страшные опустошения. Помимо этого, всякая война несет ненависть в массы. В напряженной атмосфере среди озлобленного американского населения антирусские настроения могут принять до того уродливые формы, что война уже будет вестись не против большевиков, а против России и всего русского. Из библиотек начнут удалять книги русских авторов, музыку Чайковского перестанут исполнять, все деловые и культурные предприятия, имеющие какое-либо отношение к русскому имени, будут закрыты, на людей, родившихся в России, будут смотреть, как на своих врагов.

Поэтому желать войны, хотя бы ради такого благого дела, как поражение большевизма, по нашему мнению — преступно.

Колокольцев.

К СВЕДЕНИЮ НАШИХ СОТРУДНИКОВ И КОРРЕСПОНДЕНТОВ

Статьи и корреспонденции, присланные для напечатания в журнале, должны быть четко написаны чернилами на одной стороне листа за подписью или псевдонимом автора. Редакция оставляет за собой право сокращать и изменять рукописи по своему усмотрению. **Ред. Коллегия.**

ВО ЧТО ОБХОДЯТСЯ ВОЙНЫ?

Когда я слышу о войне, то я вспоминаю об ужасной картине, которую в конце прошлого столетия написал известный русский художник В. В. Верещагин (сам участник русско-турецкой и русско-японской войны). Эта картина, прозванная иронически "Апофеоз войны," представляет пирамиду из человеческих черепов, которая производит большее впечатление, чем египетские пирамиды.

В экономическом отношении последние войны весьма отягчили положение европейских народов, отягчили репарациями, долгами и чрезмерными расходами на подготовку новой войны. Ныне известно всякому, что современная воздушная война не признает фронтов, превращает все в поле битвы, не оставляет ни побежденных, ни победителей, так как все являются ее жертвами; ныне после всего того, что человечество пережило, в Европе все еще много людей под ружьем.

К тысяче шестистам миллиардам марок, бессмысленно израсходованных во время первой мировой войны, с помощью которых почти во всех государствах — участников войны можно было бы ликвидировать бедность, прибавилась еще огромная сумма для инвалидов и сирот войны.

Ущерб от второй мировой войны пока еще не исчислен в деталях, но можно только сказать, что число убитых равняется — 50,000,000; число же разрушенных благ едва ли можно измерить цифрами. Нельзя также измерить деморализацию населения, потерпевшего от войны. А что принесет еще атомная бомба, не будет ли это концом цивилизации?

Один английский математик определил стоимость разрушений от второй мировой войны в десять триллионов. Этой колоссальной суммы хватило бы на то, чтобы построить и омеблировать жилища с садиками для всех семей Великобритании, Франции, Германии и других стран. Кроме того, во всех городах названных стран, с жителями свыше 200,000, можно было бы построить по одной образцовой больнице, по одной библиотеке, по одному университету или несколько других высших школ.

Если вообще серьезно говорить о разоружении, то нужно прежде всего поставить под международный контроль всю военную промышленность, находящуюся в руках капиталистов, всеми силами саботирующих разоружение. Нужно, чтобы производство оружия не служило предметом наживы частных лиц.

Кроме механического и технического обеспечения мира, необходимо еще органическое обеспечение, нужна федерация Европы и всего мира, воспитание детей и юношества в миролюбивом духе и кооперативная организация оказалась бы неразрывной связью между народами: все международные об-ва, даже научные, прекратили тогда существование, только международный Кооперативный Союз, в котором принимает участие и советская "кооперация," продолжает функционировать. Кооператоры и кооператорши всех стран являются главными противниками войны. Кооперация нуждается для своего процветания в мире, как человек нуждается в воздухе. Только в спокойствии кооперативное движение идет нормально по пути своего развития.

Не простая случайность, что в странах, часто переживающих внешние или внутренние войны, кооперативная организация слабее, чем в тех странах, которые больше пользовались благами спокойного существования. В южно-американских государствах, раздираемых гражданскими войнами, а также в Испании и Португалии, кооперация слабее, чем где-либо.

Недаром родоначальники кооперативной организации отожествляли ее с миролюбием, а один из них — Шульце-Делич сказал: "Кооперация есть мир, мир внутренний и международный." **Проф. В. Тотомианц.**

ВОЯКА-МИРОТВОРЕЦ

...Где-нибудь в глубоком подземном, затаенном архиве, предохраненном от разрушающей силы атомной бомбы, скапливаются безостановочно-систематически и хранятся всеэпохные исторические хроники. Там некий Нестор, полный архивариусовой заботливости, преданности и на-диво безграничной профессиональной умелости и деловитости, занят диференцированием и сортировкой всего этого богатейшего материала, уделяет каждой заботно свернутой трубке характерологических записей той или иной эпохи отдельное, надлежащее место, снабжает ее соответствующей этикеткой-надписью, дающей тебе в лаконической форме весьма яркое представление о своеобразии, о собственном содержании всякой

эпохи еще перед тем, как развернул и изучал сами материалы.

Спрашивается: какова надпись, которой удостоил тот Нестор, бесподобно нагроможденной и набухшей трубке материалов от **нынешней нашей эпохи?** Я склонен думать, что совсем не надо быть одаренным необыкновенной фантазией, чтобы предвидеть сию надпись, формулированной так:

"Эпоха — уникум в смысле переплетения величайших **контрастов** и сумбурного перемешивания **противоположностей."** Весь, — увы! — "порядок" нашей нынешней эпохи в ее — далеко не поэтическом **беспорядке,** в ошеломляющем, увы! "сожительстве" самых крайных парадоксов.

Вся в течение веков создавшаяся т.н. "логика" сказалась при свете воистину тьма-тьмущей нашей ненешней эпохи, глупейшим детским лепетом, беспомощным юродивым заиканием...

К примеру: крикливая кампания за "мир," продекретированная в последнее время "свыше" из кремлевского свято-советского "Ватикана," вся эта до высокого пара кипящая деятельность ком-подрядчиков вокруг собирания подписей под "петицей мира" в тот именно момент, когда не кто-либо иной, а как раз сам "великий" папа московский, бесподобный воинственный миротворец, дал свое священное благословение северо-корейцам причинить мировой пожар...

Издавна популярнсе изречение, вышедшее из кругов, с позволения сказать, умеренных, еще не зарвавшихся вояк, гласило: "Хочешь мира, **готовься** к войне" наш нынешний вояка-миротворец видоизменил: "Хочешь мира, будь зачинщиксм войны."

К тому данс право патента нашему нынешнему вояке-миротворцу за его гениальное изобретение (у него ведь все — сверх-гениальность!) выкраивать всю прямолинейность его так, чтобы остались в ней, на случай надсбности, **изгибы и искривления,** до бесстыдства выпуклые, бросающиеся и в обыкновенный, невооруженный глаз. Лишь вчера был он зачинщиком войны, и если сегодня оказывается, что попытка его неудачна, он сейчас же перегибает свою прямолинейность и обвиняет тех, на кого он напал, что они, мол, первые напали...

Миротворчество служит нашему вояке-миротворцу лишь маской над воячеcкой физиономией его, вроде пояса-хранителя девственности в руках проститутки. Таков он, наш вояка-миротворец, чудовище нашего нынешнего времени!

И. Рубцов.

"Великодушный" жест Сталина

Радостное сообщение: СССР подписал в Женеве конвенцию Красного Креста в отношении ведения войны и обращения с пленными и гражданским населением. Лучше поздно, чем никогда! Если бы это было сделано до второй мировой войны, то многие сотни тысяч российских военнопленных не лежали бы в немецкой земле. Но Сталин с ишьячим упрямством настаивал, что в красной армии пленных не будет. Опыт убедил "генералиссимуса," что он, — уже в который раз! — жестоко просчитался.

Но не любовь к своим "детям" и не забота о них заставили Сталина пойти на этот шаг. Это ему нужно для внутренней и внешней пропаганды в настоящее время, а в случае новой войны он постарается засылать под видом работников Красного Креста своих "наблюдателей" во все участки, куда побегут его "преданные дети." Он сможет беспрепятственно рассылать своих шпионов и установить наблюдение за всеми маневрами противника. Он получит списки всех своих пленных и будет в состоянии влиять на них, чтобы, чего доброго, не началось новое "власовкое движение."

Игра стоит свеч, тем более, что сам Сталин и не подумает выполнять всех установленных конвенцией правил, а продовольственная помощь будет оказываться все равно из англо-американских источников.

Очевидно, существующего положения правила Красн. Креста не касаются. Иначе чем объяснить, что десятки тысяч пленных немцев, японцев и итальянцев до сих пор находятся в СССР?

П.

Безвластникам Наш Привет

В годину кошмара, тревог и волнений,
В годину пролития братской крови, —
Средь злобы шипящей и жгучих сомнений
Мы шлем вам привет наш духовной любви.

Привет неустанным борцам за свободу!
Привет тем, кто жизни своей не щадит,
Неся просвещенье родному народу,
Рвет цепи насилья и правду творит.

Мы с вами во-веки, друзья Анархии!
Иною дорогой, но к цели одной
Идем мы с вами. Сойдемся в России:
Безвластье несем мы отчизне родной.

Как светлой весною горячему солнцу
Цветы улыбаются, — мил его свет! —
Так мы, ваши братья-друзья духоборцы,
С улыбкою шлем вам наш братский привет.

Иван Ф. Сысоев.

КАЗАРМЕННО-ЛАГЕРНЫЙ ВЕК

XX-й век принято считать атомным веком потому, что в этом столетии изобретено еще невиданное оружие, несущее смерть миллионам людей. Были в истории каменный, железный век, век пара, век электричества, но отличие этих веков от атомного заключается в том, что и камень, и железо, и пар, и электричество были поставлены **на службу человеку**, облегчали борьбу человека с природой. Атомная энергия создана **против человека,** для его уничтожения, для разрушения. Что бы ни говорили ученые, находящиеся на службе у государства, о чудесных перспективах приспособления атомной энергии для нужд человека, мы являемся свидетелями использования величайшего научного открытия **только** для военных целей, как орудия истребления и разрушения. Правда, и печать демократических стран, и печать тоталитарного СССР сообщает о работах ученых в области применения атомной энергии для мирных целей. Вышинский в свое время даже произнес торжественную речь о применении атомной энергии в советской России для взрыва гор, прокладывания новых русл рек и т. п., но должен был сконфуженно замолчать, т.к. ложь была более чем очевидна. Выкраденный секрет производства атомной энергии в "стране построенного социализма" используется тоже только для выделки атомных бомб, а горы срываются и новые русла прокладываются попрежнему каторжным трудом миллионов заключенных рабов, руками, лопатой, киркой. Может быть, ученые вскоре сумеют обуздать эту вновь открытую невиданную силу атома и впрячь ее в тягло промышленности и транспорта. Но пока все усилия направлены к тому, чтобы добиться возможно большей концентрации атомной энергии только в бомбе.

Наш XX век по тому, что он принес для масс трудящегося народа, справедливей назвать веком казарм, лагерей и тюрем. Никогда еще в истории человечества, даже в самые мрачные годы, эти учреждения не достигали такого размаха. Никогда еще мир не видел такого гигантского накапливания военных резервов, строительства лагерей и мест заключения. И в этом отношении ведет за собой весь мир "передовой" Советский Союз. Карта концлагерей в СССР занимает почти половину всей необъятной территории, казармы для войск имеются почти в каждом городе. Для солдат настроены многочисленые лагеря в глухих учасках Дальнего Востока, Туркестана, на границах всех соседних государств. Войска МВД и МГБ разбросаны по всей стране. Тюрьмы набиты до отказа будущими "завоевателями белых пятен," — рабами, чьими силами "осваиваются" все новые земли, естественными богатствами которых большевизм укрепляет свою власть. "От края и до края, от моря и до моря" в СССР миллионы людей живут в казармах, бараках, землянках, шалашах. Миллионы "вольных" рабочих СССР также живут в лагерях — бараках, спят вповалку на нарах. Лесные разработки, торфяные площади покрыты наспех выстроенными бараками. Эти "вольные" лагеря отличаются от концентрационных только отсутствием стражи. Бараки можно встретить в крупнейших городах. В них живут "счастливые и радостные" рабочие "пролетарского государства." Правда, примерно с 1937 года вы нигде не сможете встретить слово барак. Печати был отдан приказ не писать о бараках, но только о "рабочих общежитиях." Однако бараки от этого переименования не стали виллами, а нары и скрипучие топчаны не превратились в удобные кровати.

Сколько в СССР солдат? Сколько заключенных? Сколько людей живет в лагерях и бараках?

Вокруг этих цифр идут споры. Одни считают, что на принудительных работах в советской России занято 15 млн, другие — 30 млн. человек. Точное количество солдат тоже не известно. Одни определяют число войск в 2,7 млн, другие в 5-6 млн. Войска МВД и МГБ тоже не считаны, как не считаны и люди, населяющие "вольные" лагеря и бараки. Но бывшие "граждане СССР," поколесившие по "родной земле," знают, что на лесных и торфяных разработках, на новых стройках рабочие живут почти исключительно в лагерях и бараках. Аракчевские военные поселения перед сталинскими лагерными масштабами кажутся детскими игрушками перед гигантами техники.

Второе место в казарменно-лагерном состязании безусловно принадлежит Германии. Здесь вряд ли найдется даже небольшой городок, где не было бы нескольких "казерн." А лагеря можно встретить в самых захудалых деревушках, где в свое время были размещены восточные и западные ра-

бы фашистского райха. Огромные концентрационные лагеря Германии стали нарицательными во всем мире. Эти казармы и лагеря населяли миллионы людей. Теперь Германия "демократическая," гитлеровский райх вдребезги разбит, но все казармы и лагеря остаются нерушимым памятником третьей империи и... полностью заселены! Оккупационные войска, "перемещенные лица," беженцы германского и не германского происхождения в западных зонах туго заполняют казармы и лагеря. В восточной зоне размещены оккупационные советские войска и... кто еще? Там же нет ни беженцев, ни "перемещенных." Стало-быть, лагеря наполнены "местным" населением?

Гоголь когда-то писал, что достаточно поставить памятник, как к нему тотчас же нанесут всякой дряни. В наш бурный век достаточно объявить самостоятельным, независимым и "демократическим" какое-нибудь государство, как оно моментально обрастает казармами и лагерями. Титовская Югославия имеет полмилионную армию, — такую армию, с какой Наполеон завоевал полмира .Болгария создала армию в 11 дивизий, Румыния и Венгрия содержат стотысячные армии. В казармах Китая размещены миллионы солдат. Диктатор Франко держит под ружьем сотни тысяч испанцев... Везде казармы, казармы, казармы!

Так называемые демокртические государства запада тоже не желают отставать от "демократий" восточных и лихорадочно вооружаться. По подсчетам знатоков, страны западного блока могут выставить против большевицкого блока армию в 8 миллионов человек. А потому казарменное строительство идет полным ходом. По количеству лагерей запад сильно отстал от тоталитарных Германии и СССР, но уже в Англии, Австралии и ряде других стран новых рабочих размещают в лагеря и бараки и, надо думать, в этом отношении в ближайшие годы дух века тоже восторжествует. В маленькой Бельгии, например, лагерные поселки и бараки для шахтеров получили признанное право на существование и эксплоатация рабочих мало чем отличается от советской, хотя там и нет законов об уголовной ответственности за невыход или опоздание на работу.

Казалось бы миллионные армии должны свидетельствовать о том, что государства стали особенно сильными, могучими, "непобедимыми," что они достигли небывалого процветания и их власти ничто не угрожает. На самом же деле гигантские армии показывают лишь **слабость** государственных устоев. Все эти военные формирования, полицейские соединения, МГБ или "секретные службы" являются только подпорами обветшалого государственного здания, готового рухнуть под натиском народного гнева. Государства тоталитарного типа только и держатся на этих подпорах и потому не жалеют средств на усиление армии и полиции. Представьте себе, что было бы в России, если бы большевики распустили армию, уничтожили МГБ и МВД, расчитали милицию и раскрыли лагеря! Через несколько дней от "мощной ВКП(б)" не осталось бы и воспоминаний, колхозы распались бы, как трухлявое дерево от удара, а самому "любимому вождю" пришлось бы спешно сбрить усы, гримироваться и удирать, чтобы первые же встречные "беспредельно преданные" его "дети" не утопили его в ближайшей луже. Таково относительное "величие" государства и его вождей. Да и демократические государства попробовали бы взыскивать налоги с рабочих, крестьян и служащих, если бы у них не было под руками ни армии, ни полицейских, ни услужливых судей и тюрем!

Народ прекрасно понимает, что несет ему "укрепляющееся" государство. Оно само— народный захребетник, которого трудящиеся должны поить, кормить, одевать и обувать. Громадные армии на народном иждивении высасывают все соки из здорового общественного организма, ослабляют экономическую мощь стран, ввергают в нищету население. Достаточно посмотреть на СССР, чтобы понять, что стоит народу содержание "сверх-мощного" государства. За счет разутого, раздетого и полуголодного колхозника созданы гигантская армия и политическая полиция, пожирающие продукт крестьянского труда. За счет изможденного подъяремного рабочего выстроена первоклассная военная техника. Трудом миллионов заключенных, работающих за кусок хлеба, осваиваются богатства недр, прокладываются дороги, возводятся индустриальные гиганты. Государство — "цвет," морды надсмотрщиков и погонщиков блестят жиром, ордена и погоны блистают золотом, а народ голоден, раздет и разут, и только миллионы безымянных и безвестных могил вопиют о преступлении "социалистического" государства большевиков.

Конечно, нельзя ставить рядом и сравнивать, скажем, СССР и Америку. В Америке

нет конц-лагерей, нет принудительного труда, рабочие и фермеры не лишены основных свобод, здесь нет голода и той нужды, которая отличает жизнь подсоветского человека от жизни американца. Это, кажется, единственная страна, где государство сумело сочетать свои интересы с относительно высокой экономической обеспеченностью населения. Но это только потому, что организованность американских масс, могучие профессиональные объединения заставляют государство считаться с волей народа и не слишком натягивать узду, чтобы не вызвать вспышки протеста уязвленного традиционного свободолюбия. Но понемногу узда натягивается, особенно теперь, когда Америка глаз к глазу встретилась с призраком большевизма. И здесь теперь создается громадная армия.

До второй мировой войны в советской России был в ходу лозунг: "Догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны и в первую очередь Америку." Сейчас Америка выкидавает лозунг: "Догнать и перегнать в военном отношении передовые тоталитарные государства и в первую очередь СССР." Подчиняясь духу века, Америка приступает к ликвидации отставания в казарменном строительстве.

На очереди—строительство лагерей, т.к. казармы без лагерей существовать не могут. Между ними тесная взаимосвязь. Армия поглощает громадные средства, на ведение войн нужны миллиарды. Поставщиком этих миллиардов являются рабочие и крестьяне. Обремененные налогами, вынужденные содержать своим трудом армию, полицию, чиновничество и духовенство, они не могут строить дорогостоющие дома. Начинается строительство бараков. Недовольство населения, порожденное снижением материальной обеспеченности, вызывает ответные меры государства: "бунтовщиков" сажают сначала в тюрьмы, но мест для заключения нехватает. Создаются лагеря, обносятся колючей проволокой, как наиболие дешевым материалом, заменяющим заборы и стены. Кормить заключенных государство считает нерентабельным, — очень велики расходы. Тогда находят выход: заключенные должны заработать свой хлеб. Начинается с клейки кульков или изготовления пуговиц. Государство видит, что "самопропитание" узников — добро есть. А отсюда уже столбовая дорога к принудительному труду на основании опыта фашизма и большевицкого "социализма"... Картина несколько мрачная, зато верная. И всякое государство, малое или большое, во время депрессий, крахов, кризисов и войн пойдет именно по этому пути, т.е. по пути увеличения казарм и лагерей, — "структуре" наиболие оправдавшей себя в трудные годы для государства. Любая страна диктатуры — живой пример этому.

Половина казарменно-лагерного века прошла под знаком двух мировых войн, пронесшихся сокрушительным ураганом по всем материкам и океанам и принесшим неисчислимые бедствия и страдания всем народам. Что несет вторая половина? Начинается она психозом третьей мировой войны, зарницы которой уже полыхают над земным шаром, и не сулит уставшему человечеству ничего доброго.

Н. Пермяк.

О ПОЛОЖЕНИИ В РОССИИ

Легальным и лойяльным при советской власти я не был, а при такой жизни, плюс знание закулисной жизни в местах репрессий, у меня, как и у всех тех, кто враждебен сталинской клике, выработалась психологическая черта: встречать всех тех, кто интересуется моими политическими взглядами, как работников, посланных НКВД. Я твердо знаю, что все то, что пишется сейчас о "трестах," "легендах," о всех фиктивных, созданных самим же НКВД, организациях для вылавливания неизвестных им их противников, — **правда,** как и то, что где их, своих противников, нельзя физически уничтожить, там применяется метод дискредитирования, разложения, компроментирования, внесения разлада, провокации и прочих мер ослабления работы враждебной Сталину группы или организации; у них это называется "взорвать изнутри." Для меня — аксиома, что нет ни одной антибольшевистской заграничной организации, где бы не было агентов НКВД; а где их не было до войны, то после войны они постараются ввести не только своего агента, как осведомителя, но и как разлагателя деятельности организации...

"Куда делись анархисты, оставшиеся в России? И есть ли они там?" Анархисты в России погибли и погибают в концлагерях, тюрьмах, политизоляторах и ссылках. Есть еще и уцелившие, но таких единицы, т. е. сохранивших стойкость, выдержанность и чистоту идеи... Каждый российский анархист должен был пройти все испытания органов

гос-безопасности. Непрошедший их и оставшийся в живых сразу же почувствуется не только в разговоре, но и в деятельности, столкнувшись с товарищами в условиях вне "советского рая." Если же он отошел от движения в целях самосохранения, то, попадая в среду работающих товарищей в тех или других возможных условиях, т.к. для нас легальных, в полном смысле этого слова, условий работы нет, не будет навязывать работающим товарищам свой метод работы, который у него остался после "летаргического сна," и не будет заниматься "фракционностью," а скажет, что рад, что вы, товарищи, работаете. Пусть это будет не та форма работы, которую бы он хотел вести, но он должен в надлежащей лишь форме дать об этом товарищам понять. Сыпать же на головы товарищам то, что сыпалось на массовых митингах в первые годы революции в России представителями одной партии на другую, не только не достойно анархиста, а просто детское непонимание самой идеи анархизма...

Листовки, прокламации. Кто в принципе против них? Беру смелость сказать, что нет таких анархистов, но для этого нужно соответствующее время, т.е. должное социально-политическое состояние, если не назревшего процесса социально-революционной вспышки, то назревающего. Тогда для масс эта листовка даст больше серьезного теоретического журнала или газеты.

Террор, т.е. изъятие этим методом того или другого политического деятеля. Этот способ борьбы может принести пользу только в советской России: если физически уничтожить Сталина, ибо диктатура есть тирания, то с его смертью гибнет и его деятельность. В других же странах об этом методе сейчас может думать только страдающий болезненностью, а не энтузиазмом человек, т.к. этим актом он только навредит анархическому движению.

Часто я слышу от товарищей, что в проводимой нами работе за безвластное движение нет революционности, нет анархической жизненности и нет того, что делал Бакунин и другие и к чему они звали. Это заблуждение или детский лепет, т.к. у анархистов все это есть и будет: не надо забывать, что анархизм — это жизнь, а отсюда и вытекают все формы борьбы за реализацию этих жизненно-необходимых для человечества форм современной жизни, т.е. работать в пользу развития идей анархизма и внедрять их в массы, раскрывая им глаза на ту жизнь, которой могли бы жить, и объясняя ненужность надстроек, которыми усыпляется их сознание той или иной кучкой людей, независимо от ее названия, в целях порабощения их физической силы или ума для своих античеловеческих интересов: будь это рабовладельческий строй, феодально-крепостнический, государственно или частно-капиталистический, или церковно-религиозный, в которых меняется лишь форма эксплоатации человека человеком, но суть остается та же — человек раб. Если духовно он кое-где и свободен, чего нельзя сказать утвердительно, то экономически он, безусловно, раб. А к разбитию этих цепей и к освобождению от них и зовет анархизм.

**
*

Я стою за сплоченность всех анархистов в борьбе за безвластие, вне зависимости от их группировок. Что же касается активности, то я держусь того взгляда, что все анархисты должны принимать участие в движении в конкретной форме по мере возможности: пропагандой, агитацией, письмами, статьями, организацией, распространением литературы, денежной и технической помощью в издании печатного органа и прочими проявлениями своей деятельности. Долг каждого быть живым участником движения. Даже одна только моральная поддержка товарища вносит живой дух в среду, в жизнь движения. От всех этих элементов работы получается атмосфера, оживляющая и освежающая движение, дающая ему бодрость и жизненность, отрывающая от давящего на психику и сознание быта. Подальше в сознании от давящего быта и ближе к тому, чем и кем должны быть. Комплекс всех этих проявлений даст то, что называется активностью и жизненностью нашего движения.

Всколыхнуться, товарищи, самим нужно, сбросить накипь, действующую, помимо нашего сознания, на нашу психику, мораль, интеллект, и быть в практической жизни теми, кем мы одлжны быть: поменьше компромиссов, а побольше того, к чему мы стремимся. Не надо забывать, что несогласованность, нестройность, невыдержанность, нечуткость, разброд быстро воспринимаются массами, а это было бы большим минусом для нашего движения. Некоторые товарищи ссылаются на усталость, объясняемую возрастом; мне же понятна усталость от недугов, а не от прожитых лет.

**
*

В полтавской организации анархистов было 70-80 человек. Кто же остался? Лишь

несколько: Люба Немирицкая, Зайдинер, Доценко, Фисун остаются анархистами и в ссылках; киевская группа состояла, примерно, из 80-100 человек, в ссылках значатся очень немногие: Консе, Дрикер и другие единицы. Где же остальные? (Это относится и к другим городам). Или ушли в лагерь противника, или стали лойяльными к власти, или отошли от движения и углубились сами в себя в целях самосохранения. И каждый из этих десятков бывших анархистов, попав за пределы "завесы," может назвать много имен и фамилий анархистов. И если только перечислением имен анархистов определять их идейность, тогда найдется много "анархистов."

А. И. В.

БУНТ КОНАРМИИ

(Малоизвестная кровавая трагедия)

В 1919 году я был в коннице Буденного. Действительного организатора 1-й Конной Армии, Думенко, советское правительство арестовало за нежелание подчиниться комиссару, присланному ЦК партии. Думенко находился в Ростовской тюрьме. Армия волновалась и настаивала на его освобождении. Правительство и главком Троцкий через комиссаров и политических работников армии, которые из Москвы прибывали пачками, чтобы скомпрометировать Думенко в глазах бойцов, распускали по его адресу разные провокационные нелепости.

Провокация мало помогала, симпатии бойцов и даже командиров, которые в большинстве были избраны бойцами, были на стороне Думенко. Весной 1920 года, когда Деникин был окончательно разбит, конницу Буденного с Кавказа перебрасывали на Польский фронт через Ростов-на-Дону, ряд полков направился к тюрьме для освобождения Думенко. Обеспокоенные политические комиссары и Буденный приняли меры к предотвращению намерений бойцов. На площади, около тюрьмы, устроили митинг, на котором уговаривали бойцов не прибегать к самочинным действиям, а положиться на справедливость революционного правительства, которое, после окончания следствия, безусловно ,освободит Думенко, как преданного и заслуженного человека.

Честные люди всегда верят тем, кто призывает их к справедливости. Бойцы поверили комиссарам, тюрьму не разбили, Думенко не освободили и ушли на фронт отражать поляков, которые в то время заняли Киев и подвигались вперед: революция была в опасности. Армия Буденного в то время была одной из могущественных армий и одерживала победы там, где, казалось, поражение было неизбежным. Это была армия добровольцев, спаянных общею целью: отстоять свободу, завоевать справедливость.

Героическая конница почти без отдыха достигла позиций противника и без отдыха, в районе Белой Церкви, вступила в бой и на голову разбила его, без отдыха же она гнала разбитые и растерявшиеся части белополяков до Львова. В это время Врангель стал выползать из Крымской бутылки и Москва сильно обеспокоилась новой опасностью: Врангель угрожал Донбассу. Троцкий снял конницу Буденного с польского фронта и перебросил на Крымский участок.

Осенью 1920 года, в момент похода на Врангеля, до конноармейцев дошел слух, что Думенко расстреляли, этот слух переходил из уст в уста. Возмущение росло. После несколько маршей, которые были проделаны также без отдыхов, бойцы в одном из местечек Киевской губернии пристрелили вновь присланного в шестую Кавдивизию комиссара за его заносчивость и разогнали Политотдел, Трибунал, Особый Отдел и проч. политработников дивизии. Возмущение бойцов перешло в восстание. Дивизия с выборными командирами двигалась в Крым с лозунгом: "Долой Ттроцкого, да здравствует Махно!"

Реввоенсовет Конной Армии возглавлял тогда Минин, а Ворошилов был только членом совета: они приняли все меры, чтобы наша 6-я Кавдивизия не соприкасалась с 4-й Кавдивизией и не солидаризировалась с ней. Эти дивизии были организованы Думенко и дружили между собой. Изоляция 6-й Кавдивизии удалась. Большевики решили обезоружить взбунтовавшихся. Дело происходило на станции Ольшаница, Киевской губ. Местность оцепили двумя кавалерийскими дивизиями и одной Кавбригадой и был приведен бронепоезд.

Реввоенсовет приказал 6-й Кавдивизии явиться на сборный пункт в пешем строю, дивизия явилась в конном с пулеметами и орудиями. Настроение бойцов было возбужденное и решительное, большевики струсили и немедленно отменили сбор, мотивируя

тем, что будто бы Буденный и Ворошилов не приехали. Сбор был повторен на другой день. Полки явились на сборное место и спешились, отдав лошадей командирам, которые находились в поле зрения бойцов. Надо сказать, что среди бойцов были колеблющиеся и преданные правительству и партии, они, по-товарищески, уговаривали бойцов кончить дело миром. Им это удалось. Буденный и члены Реввоенсовета открыли митинг и ласково призывали подумать о том, что Врангель почти захватил Донбасс, что революции грозит опасность, что восстание дело рук контр-революции. От имени правительства, которое защищает интересы народа, они призывали выдать подстрекателей и следовать на врангелевский фронт, который снова стал опасным для революции и что при таких условиях продолжение бунта равно контр-революции. В это же время бронепоезд, испуская пар, напоминал о своем присутствии. Многие бойцы со слезами на глазах стали снимать с себя оружие и складывать на землю, так как видели, что сопротивление было бы бессмыслицей, что дивизия была окружена и находилась в мешке. После этого большевики поблагодарили бойцов за их преданность революции и за повиновение, но тут же и осрамили их, лишив полки знамен, заявив, что кровью омытые, овеянные славой и геройством знамена будут возвращены полкам, когда они искупят свое преступление геройской борьбой с последним опасным врагом революции — Врангелем.

На другой день деморализованная дивизия, без знамен и на положении арестантов двинулась в Крым. Возвратившийся Особый Отдел по ночам производил изъятия тех, на кого указывал перст Иуды, как на виновников бунта. Арестованные не возвращались в часть, а заполнили тюрьмы Елисаветграда и других городов. Только незначительная часть была освобождена после нескольких месяцев заключения, о судьбе остальных никто не узнал: вероятно, их расстреляли.

Кто были зачинщиками бунта? Бойцы и младшие конмадиры, из которых Думенко сформировал конницу, которая, как ни одна часть Красной Армии, сокрушала Деникина, белополяков и Врангеля. Бойцы дивизии в большинстве были выходцами из крестьян, добровольцы с 1918 г., с собственными лошадьми. Эти легендарные герои были рождены народной революцией: Думенко был выразителем их воли.

Наша дивизия форсировала Сиваш. В одном из сел мы встретили части "Батько Махно." Многие бойцы хотели встречи с этими легендарными коллегами по оружию, которые в борьбе за Крым были в авангарде, но большевицкое командование не допустило общения с махновцами и наша часть была уведена в другое село. Армейская печать и политруки все время клеймили Махновскую группу бандитами, грабящими население.

Когда Врангель был уничтожен и Крым очищен от контр-революции, 1-я Конная Армия была выведена из Крыма и направлена на Украину для уничтожения группы Махно. К глубокому сожалению, его группа была предательски и беспощадно унитчожена.

После, проезжая по Украине в местах, где бывал Махно со своими частями, бойцы спрашивали крестьян о грабежах Махно: ни от одного крестьянина они не услышали не только проклятья, но и худого слова о Махно, как это делали евреи по адресу банд Тютюнника, гайдамаков, Хмары и прочих, которые в то время орудовали на Украине, грабя и убивая население, особенно евреев, и сжигая дома. Крестьяне вели себя так, как будто бы они о Махно и не слышали: они ему симпатизировали, а нас в душе ненавидели. Доказательством этого служил отказ нам в фураже и в продовольствии во время стоянок в селах. Махно для народа не был бандитом, как его изображает соввласть. Махно изгонял ставленников центрального правительства, защищал крестьян от агентов этого правительства, которые отбирали у крестьян последнее зерно, последний мешок муки, облагали непосильными налогами, творили беззаконие. Это беззаконие росло и расширялось, поэтому совсем не случайно, что в 1920 г., после восстания 6-й Кавдивизии, Маслаков, известный за боевые заслуги в 1-ой Конной Армии, со значительной группой бойцов ушел в Донские степи, за ним последовал Колисов и ряд других из 4-ой и из 6-ой Кавдивизий. Все они были первыми и в первых рядах бойцов за народное дело, когда совершалась революция, но никак не враги народа, а лишь враги укреплявшейся власти, враги диктатуры, с которой они повели неравную борьбу. Позднее демобилизовавшиеся бойцы Конармии, возвратясь в родные станицы или села, заставали произвол представителей центральной власти, они на месте убивали их и уходили в леса, в степи, к тем, которые делали то же, что и они.

Илья Петрович.

ДЕДУШКА АНАРХИСТ

(16 ЛЕТ В КОНЦЛАГЕРЯХ)

ОТ РЕДАКЦИИ: Ниже печатаемые воспоминания мы получили от секретаря Общества Жертв Коммунизма со следующей припиской: "В 'ДТП,' № 26, стр. 7, помещена заметка о друге Кропоткина А. Атабекьяне. В издаваемой нашим обществом книге ЖЕМЧУЖНИКОВА "Власть без милости" (том 1 уже вышел на немецком языке; всего в 3 томах около 1,000 страниц) мы нашли на стр. 144-149 эпизод из жизни Атабекьяна, описывающий его пребывание и смерть в концлагерях. Мы даем вам право поместить этот эпизод в вашем уважаемом журнале."

Мы считаем, что приведенные в рассказе данные вполне верные и заслуживают внимания читателей.

***

В средних числах сентября 1940 г., часов около 2-х дня, в амбулаторию вошел командир ВОХРа и потребовал, чтобы я с ним немедленно отправился за пределы лагеря к больному:

— Захватите с собою и санитарную сумку.

— Что брать? Перевязочный материал или медикаменты? — спросил я.

— Перевязок не нужно, берите медикаменты.

Я стал укладываться, а в это время вошел начальник лагеря и передал командиру взвода, что сию минуту ему звонили из 3-й части НКВД управления Темлага. Было передано, что если врач найдет необходимым положить "его" в госпиталь, то они не возражают, но отправлять его в центральную больницу категорически запретили, а распорядились положить в стационар нашего лагпункта. Кто это был "он," я не знал.

Затем начальник лагпункта сказал мне, чтобы я отправился с командиром взвода километра за 3-4 от лагеря на пасеку. Там я должен буду осмотреть больного старика, и если его состояние серьозно, то взять его в стационар. Когда мы с командиром взвода садились в коляску, начальник пункта еще раз подошел к нам и еще раз предупредил, чтобы я привез больного в стационар, если найду нужным.

По дороге я спросил командира взвода:

— Скажите, пожалуйста, что это за больной и почему его не хотят отправить в больницу при управлении Темлага?

Командир взвода сердито махнул рукой:

— Мне тоже забота. Цацкаются со всякою старою рухлядью. И что за польза держать его здесь? Как будто не найдут пчеловода лучше. Да и без него там люди справились бы.

Командир умолк, а я так ничего и не понял.

Мы выехали на лесную поляну, на которой стоял маленький домишко, окруженный сотней или больше пчелиных ульев. Встретил нас мужчина лет 45-ти. Узнав, что я доктор, он повел меня в дом:

— Дедушка наверное умрет, и мы уж его больше не увидим.

— А как вам доводится этот дедушка? — спросил я своего проводника.

— Да он мне человек посторонний. Мы все тут — пять человек заключенных находимся. Он кабы-сь уже давно освобожден, да его отсюда никуда не выпускают. А он нам говорил, что проживает здесь на поселении уже 5 лет.

Войдя в избу, я увидел в углу, у окна, старика по виду лет 75-ти. Выглядел он, как библейский патриарх: с окладистой седой бородой и седыми волосами, чуть не до плеч. Когда я к нему подошел, он приподнялся и спросил:

— Вы — доктор?

— Да.

— Я сам старый врач, но по специальности не работаю уже десятки лет. Вы напрасно приехали. Мои дни сочтены.

Осматривая больного, я установил: распространенные отеки, скопление жидкости (гидроперикардит, асцит), живот значительно вздут, в области сердца систолический шум внизу грудины, акцент второго тона на легочной артерии уменьшен. Больничное лечение было необходимо.

Я предложил дедушке ехать со мной в стационар. Больной не возражал. Дедушку быстро одели и посадили в коляску. Я сел рядом, чтобы поддерживать его в пути; сам он не мог сидеть. Командир правил лошадью. Ехали шагом, чтобы не растрясти больного. Через 30-40 минут мы приехали в лагерь. У лагерных воротах дедушка, обращаясь ко мне, сказал:

— И умереть не дадут на свободе. Опять в тюрьму привезли.

Устроив больного в стационаре, я решил немедленно приступить к составлению истории его болезни, т.к. не был уверен, что он долго протянет. Собирая у постели больного анамнез, я установил его фамилию и все персональные данные. К сожалению, сейчас не помню точно имени: Алексей или Александр. Не помню и отчества, а только фамилию АТАБЕКЬЯН. С 1914 г. он проживал в Москве, в конце 1924 г. арестован. Заполнив историю болезни, я дал фельдшеру нужные указания и распорядился вызвать меня, если Атабекьяну станет хуже.

По окончании вечернего амбулаторного приема, я пришел в стационар к дедушке Атабекьяну. Больной спал, сидя в постели, потому что лежать не мог из-за затрудненного дыхания. Я приказал санитару, чтобы он часа в два ночи прошел на кухню и собрал там картофельную шелуху, килограмма два-три, хорошо бы вымыл ее и сварил, а утром дал больному на завтрак. Санитар, повидимому, решил, что доктор спятил с ума. По крайней мере, он сейчас же пошел в амбулаторию к одному из фельдшеров и рассказал ему, какие приказания получил от меня, добавив: "Видно, доктор того..."

Когда я пришел в свою комнату, фельдшера уже укладывались спать, и как-то пристально посмотрели на меня. Я заметил этот взгляд и спросил:

— Вы хотите что-то сказать?

— Доктор, — спросил один, — для чего вы назначили дедушке картофельную кожуру?

Я им начал объяснять. Дедушка тяжело болен. У него декомпенсированный порок сердца. Большие отеки, скопление жидкости в брюшной полости, застойные явления в легких. Я прописал ему сердечные лекарства, но, кроме этого, ему нужно дать еще такое средство, которое вывело бы возможно больше жидкости из организма, т. е. мочегонное. К

этим средствам относятся препараты, содержащие калийную соль. Но калийные соли содержат также и некоторые фрукты (яблоки) и овощи, а особенно картофель в своей кожуре. Так как у нас в амбулатории нет мочегонных препаратов, то я назначил больному картофельную кожуру. Если сердце выдержит и он в течение завтрашнего дня не умрет, то все сами убедятся, какой результат даст шелуха. Я уверен, что за 4-5 дней у него спадут все отеки; затем мы подлечим ему сердце и он еще поживет.

В Бамлаге за пять лет заключения, особенно же в Забайкальской области, где лагеря расположены на высоте свыше 1,000 метров над уровней моря, я спас этим средством не одну тысячу людей. Сердечным больным стоило только попасть в эти концлагеря, как через один-два месяца у них уже появлялись отеки и мы их только так и лечили. А как только больные поправлялись, мы старались, как можно быстрее, переправить их на другие участки, расположенные не так высоко. Такие участки были в районе Свободного и Хабаровска. Этот перевод являлся единственным спасением сердечников. Если же переправить туда их не удавалось, то через 2-3 месяца отеки вновь появлялись и люди умирали.

На следующее утро дедушка уже совсем не мог лежать, а сидел на кровати, свесив ноги. Я вошел в палату с фельдшером, осмотрел его и заставил есть картофельную кожуру.

— Что это за гадость? — спросил больной.

Я ему разъяснил действие картофельной кожуры и сказал, что есть "эту гадость" ему необходимо.

Больной схватился за голову:

— Что значит старость! Ведь и я это знал, да позабыл. Думал, что у меня отеки появились от почек.

Больной трижды в день ел картофельную кожуру и уже с первого дня стали сказываться результаты. К 12 часам ночи вышло уже больше 4 литров жидкости. На второй день живот стал спадать, а отеки уменьшаться. На третий день к вечеру они остались только на ногах, а на пятый спали совершенно. На 9 или 10 день дедушка начал вставать и ходить по палате. Как-то днем он зашел в амбулаторию и беседовал со мной около 3 часов, рассказывал о своей жизни. Вот что я узнал от него.

Арестован он был по приказу Дзержинского в 1924 г. и просидел около 3 лет в Бутырской тюрьме. Дзержинский неоднократно его вызывал и требовал отказа от анархизма и выхода из партии, обещая ему освобождение. Когда дедушка наотрез отказался, тогда ему предъявили обвинение в контрреволюционной пропаганде.

Пропаганда эта, по словам дедушки, состояла в том, что он в свое время вместе с П. Кропоткиным много писал лично Ленину, указывая на ошибки и неправильности партии большевиков и советского правительства, а ошибок этих было очень много. Кроме того, в 1923-24 годах он печатал свои статьи в органе анархистов.

Много мне рассказывал Атабекьян и о своей прежней жизни. Как он до первой мировой войны жил в Женеве и Париже, как приехал в Москву, как при большевистской власти в первые годы сорганизовал кооперативную типографию, издавал газету, названия которой я уже не помню.

—А что случилось с П. А. Кропоткиным? — спросил я.

—Он умер в 1921 г. в Дмитрове. Был когда-то в хороших отношениях с Лениным. Если бы не умер, то после смерти Ленина и его бы арестовали так же, как и меня. Мы с ним разделили бы одну участь.

— В начале 1927 г. — продолжал дедушка свой рассказ, — я был переведен из Бутырской тюрьмы в Томский изолятор, где меня и продержали до 1931 года. Там я встречался с Мураловым, известным журналистом Сосновским и некоторыми членами правительства. В 1931 г., по распоряжению Москвы, меня перевели по-ближе к столице, на работы в Темниковские лагеря.

— В 1935 г. я был освобожден, но сразу же по решению коллегии НКВД получил пять лет ссылки с обязательством проживать там, где будет указано. Мне предложили остаться в том же Темлаге, работать и жить в Темниковских лесах на пасеке. Из-за своих преклонных лет я даже был доволен: куда было мне ехать по этапам?

—Пять лет проработал я в Темниковских лесах под наблюдением 3-ей части НКВД. В 1936-38 г.г. не раз просил разрешения у начальника съездить на день-два в Москву: хотел разыскать кое-что из своих оставшихся вещей и повидаться со знакомыми. Но мне каждый раз отказывали с предупреждением, что я не имею права никуда отлучаться. Писать же своим знакомым я не мог, т.к. за все 10 лет заключения мне была запрещена переписка, и я не знал, кому и куда писать. Когда меня "освободили," я отослал много писем своим старым знакомым, но эти письма возвратились "за ненахождением адресатов."

Дедушке с каждым днем становилось лучше. На 18 день он мне заявил, что окончательно поправился и попросил выписать его из стационара. Дня через два я его выписал. За ним пришел командир взвода ВОХР и отвел на пасеку.

Прошло около месяца. В первых числах декабря меня вызвали к начальнику лагеря, приказавшему срочно отправиться в сопровождении стрелка на пасеку и посмотреть, что случилось с Атабекьяном.

Когда я вошел в избу к дедушке, он был уже мертв, и окоченел. Его помощники рассказали, что еще в 8-9 часов утра он работал и чувствовал себя хорошо, но вскоре, стоя около улья вместе с одним из заключенных, схватился за сердце и сказал, что ему плохо. Дедушку под руки привели в дом, положили на кровать, а минут через тридцать он уже умер.

Пока они рассказывали, подъехал легковой автомобиль и мой конвоир, посмотрев в окно, сказал, что приехал опер-уполномоченный части НКВД из управления Темлага.

— Кто вы такой и как сюда попали? — спросил НКВДист, как только вошел и увидел меня.

— Это врач, направленный сюда начальником 22-го лагпункта — ответил за меня мой конвоир.

— Сейчас же составьте акт об его смерти, — обратился ко мне прибывший.

— Лучше было бы отправить труп для вскрытия в центральную больницу, — высказал я свое соображение.

— Я сказал, что нужно сделать. Немедленно составляйте акт. Все.

Через несколько минут я вручил чекисту акт, в котором значилось, что смерть Атабекьяна наступила вследствие сердечной слабости и преклонного возраста.

И. Жемчужников.

ВОЙНА И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

(Из воспоминаний Н. Дубровина)

По приезде в гостеприемную Америку в 1912 г. я попал в город Акрон, где уже в то время специфический запах резины наполнял атмосферу. Исходил он из пяти резиновых заводов, выделывавших шины и многие другие резиновые изделия. Наши эмигрантские условия жизни того времени были незавидны. Америка нам казалась с одной стороны заманчивой, а с другой — непонятной, с чуждыми условиями и обычаями, с непонятным разговором. Казалось, что человеку, родившемуся в деревне среди гор и крутых утесов, изредка покрытых лесом, нельзя будет привыкнуть к этим условиям на чужбине.

Н. Дубровин

Иногда мне казалось, что я уехал недалеко на заработки, вниз по Волге до Астрахани, и как только кое-что заработаю и соскучусь по родине, немедленно куплю билет на пароход "Меркурий," который и привезет меня в родную деревню. Так думалось иногда, хотя я знал, что нахожусь за несколько тысяч верст от родных мест. Это было в 1914 году.

Когда после убийства Фердинанда Австрия объявила войну маленькой Сербии, а наш русский царь Николай II встал на защиту сербов, то эти события не произвели на меня серьезного впечатления. Ведь с кем только ни воевали русские цари? А что имел народ от этих войн? — Ничего.

В это время у меня не было затруднений с работой: куда я обращался, всегда получал работу. Если мне работа не нравилась, я немедленно оставлял ее, не задумываясь над тем, найду ли я другую работу и что ожидает меня завтра. Начиная с 1914 г. и кончая 1918 г., я успел поработать на всех резиновых заводах Акрона, больше всего у фирмы Гудрич, где я пять раз оставлял и получал работу.

Однажды в 1915 г. в одно из воскресений я проходил мимо русской церкви, где толпилось много народа. Я тоже остановился. Из разговоров выяснилось, что при церкви имеется русская школа, в которой преподавал местный священник. Меня пригласили в эту школу, которую я посещал по вечерам. На уроках священник объяснял все толково и прилежно, что мне очень понравилось. В воскресенье пошел в церковь помолиться. У многих я заметил на глазах слезы. Я никак не мог понять, отчего люди плакали: от умиления, печали или горя? В России я посещал церковь два раза в год: на Рождество и на Пасху, ибо церковь находилась в 8 верстах от нашей деревни .Так как мои родители были безграмотны, то и никаких книг церковных я не видал. Из всех молитв я знал только "Отче наш." Так я рос среди гор и лесов, не веря в святых и не боясь беса. Священник заметил мое безразличие к его богослужению и на следующем уроке попросил меня оставить школу. Я, как говорят, взял шапку в охапку, оставил школу и церковь, которую больше не посещал. Никакого греха за собой не чувствовал и не чувствую, т. к. священник почти выгнал меня, поэтому и каяться мне не в чем. Но я сожалел, что я не закончил школу в России, т. к. мой отец забрал меня из школы пасти скот. Мне вспоминается аналогичный случай со священником и молодым парнем, происшедший в 1946 году в Детройте, который я случайно наблюдал: парень, лет 16-ти, стоял возле русской церкви в ожидании выхода матери; священник злобно набросился на него; я отвернулся с отвращением и пошел своей дорогой.

В том же 1915 г. я познакомился с газетой И. К. Окунцева ,ныне покойного, "Русским Словом," в которой были интересные новости из России, которые меня захватывали. Иной раз я думал, что в одном я счастлив, что успел выехать из России раньше, чем началась мировая бойня.

Хорошие люди познакомили меня с газетой "Голос Труда," выходившей тоже в Нью Иорке. Этой газетой я еще более заинтересовался, т. к. газета была безвластного направления. Влияние "Голоса Труда" среди русских эмигрантов постепенно расширялось. Многие товарищи, заинтересованные идеями "Г. Т.", начали чаще встречаться и обсуждать некоторые вопросы в связи с революцией, происходившей в России: за каким политическим течением пойдет Россия? останутся ли советы рабочих депутатов на

своих позициях? что ожидает Россию в будущем? Эти и множество других вопросов занимали умы читателей "Г. Т."

Нас, русских эмигрантов в Акроне, навещали иногда люди из "централки," называвшие себя социалистами и старавшиеся завладеть нашими умами. Однажды некто Зорин выступил с докладом по социализму, но когда появились облака и раздался гром, он начал ругать того, кто будто бы управляет вселенной и посылает гром и молнию и другие бедствия для народа. Этим он проявил свое невежество, т. к. Н. Рубакин в своих книгах о природе и ее явлениях объясняет гораздо разумнее, чем Зорин. С тех пор никто из нас не обращал внимания на приезжавших людей из большевицкой централки.

Вскоре в 1917 г. был организован в Акроне Союз Русских Рабочих, который быстро рос. Его членский состав насчитывал до 80 человек. СРР начал устраивать лекции на разные злободневные темы того горячего времени, приглашая хороших лекторов, которые были известны по их статьях в газетах и журналах, как Волин, Лазарев и многие другие. Волин пробыл у нас три дня и прочитал три доклада о событиях в России, а Белл, посетивший нас перед отъездом в Россию, прочитал доклад о 9-м января 1905 года. Никогда не забудется его рассказ об этих событиях: он довел всех до слез и сам прослезился. По его движениям было заметно, что он побывал в руках царской жандармерии.

После ряда таких лекций большое помещение СРР всегда было переполнено алчущими и жаждущими правды уроженцами России. Вскоре завязались дружеские отношения с Союзом Русских Рабочих г. Кливланда, где руководящиую роль занимал Перкус, хороший и толковый человек, всегда бывший в центре беседы. На мою долю выпало быть секретарем по переписке. Бывал я также то финансовым, то протокольным секретарем.

Так как я решил навсегда оставить Акрон, то замечу мимоходом, что во время Палмеровских погромов в Акроне были арестованы в первую очередь шесть человек: **П. Кречин, Иван и Федор Кальяновы** и еще трое, фамилий которых не помню. Их отправили на Эллис Айланд, а оттуда они были депортированы в Россию на пароходе "Бофорд." Если не ошибаюсь на том же пароходе уехали добровольно строить будущее России: **А. Зотов и Клайн,** эстонец, хорошо владевший русским языком.

В начале 1919 г. я переехал в Кливланд. Здесь 1 мая была организована большевиками большая уличная демонстрация. Из-за неопределившихся к тому времени событий в России в ней приняло участие и большинство членов СРР г. Кливланда. Выстроились в ряды с красными ленточками в петлицах. Шествие началось по улице Вудлэнд по направлению к центру города, но к центру дойти не удалось. Первые ряды были встречены нарядами полиции, врезавшихся в мирно шедшую толпу демонстрантов, которые бросились на тротуары, но и там лошади полицейских топтали им ноги. Демонстранты начали расходиться, ибо не было куда идти дальше.

Вернувшись в помещение СРР, мы обсудили все, что произошло, и пришли к выводу, что в этой демонстрации мы ничего не успели, т. к. передовики с красными ленточками в петлицах оставили ряды демонстрантов первыми, когда заметили отряд конной полиции. Принятие участия с нашей стороны в этой демонстрации было признано ошибкой и была выражена надежда, чтобы в будущем не повторять подобных ошибок.

После этого я оставил г. Кливланд и направился в западные штаты на уборку хлебов. Там провел все лето, а поздней осенью 1919 г. приехал в город Детройт, где в то время было шесть Союзов Русских Рабочих с многочисленным количеством членов. Здесь происходили частые конференции и митинги, на которых с трибуны СРР произносились прочувствованные революционные речи, привлекшие огромные массы русской колонии. В общем здесь бурлила революционная жизнь. Трудовая русская колония горячо поддерживала Русскую Революцию и радовались ее успехам, т. к. все были уверены, что эта революция навсегда покончила с эксплоатацией и угнетением человека человеком. Лишь немногие не разделяли их уверенности и энтузиазма, зная, что во всех революциях бывают серьезные ошибки, когда революционные массы доверяются политическим демагогам и жуликам, которые, захватив власть, топят революцию в народной крови и уничтожают все ее завоевания. Так оно и случилось после захвата власти большевиками. Значит, слепые не могут смотреть на вещи открытыми глазами.

В том же 1919 г. пронесся по всей Америке ураган Палмеровщины. Большинство передовых членов Союзов Русских Рабочих было арестовано, поэтому СРР, в целях самосохранения, должны были перестроиться

и умерить свою деятельность. Официально СРР перестали существовать, но идея их не умерла, т. к. пустила глубокие корни в сознание их членов и сочувствующих безвластию. Правда, некоторые совсем отошли от движения и омещанились, другие разложились, но оставшиеся верными заветам либертарного движения организовались в группы и продолжали вести идейную работу. По их инициативе был выпущен групповой орган "Волна," который пользовался большим успехом, хотя и распространялся из-под полы.

Интересно отметить тот факт, что большинство групповиков пришло к убеждению, что при начертанной уже программе большевиков и пока они будут у власти в России, им не вернуться на родину. Так оно и случилось. Уже в то время началась более открытая борьба с большевиками, которых прозвали "барабанщиками." Среди них было много слепых, которые лишь знали кричать: "Да здравствуют лидеры рабочих в России!"

Лидеры-то здравствуют и по сей день, а рабочие и крестьяне гибнут в застенках ЧК, ГПУ, НКВД, МВД и в концлагерях в Сибири. Бросалось в глаза, что большевицкие крикуны не хотели сами ехать в советский "рай," который они расписывали радужными красками, а жили здесь, в Америке, гораздо более обеспеченной жизнью, чем их собратья в России. Это показывало, что в их сознании преобладала захватническая тактика. И все, что большевики захватили силой под свой контроль в России, пошло на пользу лидерам партии, которые создали для народа тюрьмы, концлагери и государственное рабство, уничтожив все завоевания революции 1917 года.

Н. Дубровин.

Конгресс французских анархистов

В конце мая 1950 г. в Париже состоялся конгресс французской анархической федерации. Конгресс открылся в атмосфере воодушевления и энтузиазма. На нем собрались молодые борцы не ради "вынесения готовых резолюций и приветствий лидеров," а с целью решения важных актуальных вопросов дня .Долгие дискуссии и прения по важным вопросам организации и тактики показали, насколько современные анархисты серьезно чувствуют свои обязательства перед теперешними событиями и решением злободневных вопросов.

Одним из наиболее важных вопросов, обсуждавшихся на конгрессе и вызвавших много споров, был организационный вопрос. По этому вопросу была принята резолюция, одобряющая основание во многих промышленных городах Франции анархических "заводских комитетов." Другая резолюция касалась избрания специального комитета для объединения синдикальных организаций и ведения в них анархической пропаганды. Третья резолюция одобрила решение вопроса о переживаемых событиях. Резолюция указывает, что апатия масс — временное явление и результат партийного влияния коммунистов. На последнем заседании конгрессом была выработана и принята краткая программа, указывающая как лучше организовать массы не ради добывания одного только хлеба, а с целью их полного освобождения от капитализма и диктатуры.

Конгресс внес свежую струю в деятельность французских анархистов и других борцов за свободную жизнь. **И. Д.**

Законы о Завещаниях

Закон дает каждой личности право распорядиться своим имуществом после смерти, как и при жизни. Завещание — это выражение воли и желания личности по отношению его имущества после смерти. Завещания могут быть устные (при исключительных обстоятельствах, как на поле битвы) и письменные.

Чтобы быть законным, завещание должно содержать подписи двух свидетелей. Завещатель и свидетели должны подписаться одновременно. Завещатель должен быть в своем уме и обладать памятью.

Завещатель должен назначить душеприказчика (executor).

Одно из преимуществ — это право завещателя изменить ту или иную часть завещания (codicil) или уничтожить его и составить новое.

Имущество умершего, не оставившего завещания, распределяется не по его воле, а согласно законам о распределении.

Составляя завещание, важно иметь в виду три налога: штатный (State Inheritance Tax); федеральный (Federal Estate Tax); налог на долги, векселя и прочее (Intangible). Есть много способов избегнуть или

уменьшить эти налоги. Опытный адвокат может использовать эти способы при составлении завещания.

Многие русские нерадивы в этом отношении, и их тяжело заработанные деньги уходят в карманы жадных чиновников и приспешников закона. Обязанность каждого человека позаботиться, чтобы его деньги пошли согласно его воле, т.е. как и куда он хочет, а не были бы растрачены понапрасну.

Л. Сандерс.

LEON SANDERS
801 Cadillac Tower
Detroit 26, Mich.

ГОЛОС НЕВОЗВРАЩЕНЦЕВ

ДОЛИНА СМЕРТИ

Всему миру известно, что на ялтийской конференции Рузвельтом и Черчилем был подписан договор о насильственной выдаче русских людей, находящихся в Европе.

Не останавливаясь перед жестокостью, западные демократии с точностью выполняли ялтинское обязательство. Чтобы больше захватить людей, они, по заранее выработанному плану, собрали со всех сторон, в том числе и из Италии, ничего неподозревающих и доверившихся им десятки тысяч людей в узкую между высоких гор Долину Смерти, ширина которой не превышает и двух километров.

В конце апреля 1945 года люди, совершенно не принадлежавшие к воинским частям, так. называемое население казачьих станиц, состоявшее исключительно из стариков, женщин, детей и присоединившихся к ним, по обстоятельствам того времени, тысяч других беженцев, преимущественно старых эмигрантов, должны были переехать в более "безопасное" место. Но куда именно, никто не знал, кроме, конечно, начальствующих лиц.

На десятки километров растянулась длинейшая вереница подвод на лошадях, на волах и тысячи пешеходов, из которых многие тащили ручные тележки, нагруженные жалким скарбом. Но так как оказалось, что нужно было пройти сотни километров и знаменитый пограничный итальянский перевал, то, конечно, все это было брошено в пути.

В этом движении принял участие и совершил его, к удивлению своему, и ваш покорный слуга со своей 63-летней старухой, совершил пешком, без всякой пищи, питаясь в течение всего перехода только водой, ночуя на кучах щебня, лежавших около шоссе. Не помню на какой день нашего перехода, мы, наконец, добрались до небольшого австрийского городка Обер-Драйбурга, расположенного на реке Драве. Перейдя Драву, люди построили себе примитивные жилища не далеко от г. Лиенца. Наше местоназначение было—район Ст. Дельгас, в 4-х километрах от Лиенца. Спустя несколько дней, нас перегнали в лагерь "Пегец," отстоящий в полутора километрах от г. Лиенца.

Разместившись по баракам, люди стали, кто как мог, устраиваться, и до 20 мая все было спокойно. Кормили хорошо и как будто ничего не предвещало плохого. Но вот неожидано для всех последовал приказ о сдаче оружия. Многие стали волноваться, считая это нехорошим признаком. По лагерю пошли разговоры спасения. Все это немедленно дошло до английского коменданта майора Дэвиса, который сейчас же выступил с успокоительным заверением. Он заверял честным словом английского королевского офицера, что абсолютно никому никакая опасность не грозит и просил всецело положиться на него и верить только ему, не обращая внимания на разные слухи.

В это время, 22 мая, в Вене, во исполнение ялтийского договора, союзники решили передать весь так называемый казачий стан большевикам. Несмотря на то, что среди этих людей было очень много старых эмигрантов, не принимавших никакого участия в войне, случайно попавших в эту группу и по договору не подлежавших выдаче. После заверения Дэвиса было объявлено, что всем будет выдано новое обмундирование и, чтобы успокоить и задержать как можно больше людей, было объявлено формирование запасных полков, списки которых должны были быть представлены майору Дэвису не позже 27 мая. В этот день, 27 мая, казачьему командному составу, действительно, было выдано новое обмундирование. Остальным офицерам и казакам выдачу обмундирования отложили на два дня, так как не успели подготовить списки и подвезти достаточное количество обмундирования.

Утром 28 мая последовал приказ, что после обеда все офицеры должны ехать к командующему английской армией для разработки положения о реорганизации казачьих

войск и устройства казачьих беженцев. Итак, — после обеда, началась погрузка офицеров в машины под личным наблюдением окружного атамана, генерал-майора Фетисова. В последнюю минуту сел и сам генерал Фетисов. Семьи ждали возвращения своих мужей и отцов и, не дождавшись, впадали в отчаяние.

На утро 29 мая стало известно, что никакого совещания не было и что офицеры выданы большевикам. Всего было вывезено из района Лиенца около двух с половиною тысяч человек. Вдоль бараков Шпиталя, где были помещены все привезенные офицеры и где впоследствии жили и мы, с одной стороны проходило шоссе, а с другой линия железной дороги, при чем, г. Шпиталь соприкасается с теми бараками, где жили офицеры. Когда офицерам объявили, что они добровольно должны отправиться в советскую Россию, то поднялся невероятный крик, все бросились к выходам, поднялась невероятная суматоха, брань и началась стрельба. Усиленная и до зубов вооруженная советская охрана сразу же приступила к действиям и избиению. Многие офицеры начали кончать самоубийством; многие перерезали себе горло, а некоторые пораспарывали себе животы.

Австрицы прилегающего к лагерю района, слыша невероятный крик и стрельбу, не зная что случилось, стали уходить из своих домов, думая, что расправа идет с местным населением. Вечером того же дня и утром следующего в лагере Лиенца стало известно, что и мы тоже должны выехать в советчину. Все, конечно, отказались ехать на мучиническую смерть и решили объявить голодовку; на бараках вывесили черные плакаты с надписью: мы умрем, но в советскую Россию добровольно не поедем.

В день побоища, 1 июня 1945 года, на площади лагеря был устроен аналой для совершения литургии, на которую прибыло из всего окружного расположения десятки тысяч людей, главным образом, старики, женщины и с ними дети. Когда шла служба, лагерь стали окружать танкисты и английские вооруженные до зубов солдаты, а около половины одиннадцати утра появились уже в самом лагере, грузовые машины с вооруженными английскими солдатами. Поставив машины задами к бараку, где совершалась служба, выгрузили из одной машины несколько десятков связок деревянных для кирок держаков. Служба подходила к концу. Как только были поставлены машины, солдаты без предупреждения и без предложения добровольной погрузки начали избивать и хватать людей и бросать их в машины; выхватывали у женщин детей и бросали их в машины, как какие-нибудь камни, в надежде, что матери добровольно сами полезут за детьми. Поднялся плач и крик детей, а потом и матерей. Присланные для охраны беззащитного народа безоружные юнкера, взявшись цепью за руки, пытались оказать сопротивление вооруженным солдатам. Они были частью избиты, частью искалечены, а некоторые в бессознательном состоянии были брошены в машины. Поднялся душу раздирающий крик. Началась паника, давка, свалка и полнейшая неразбериха.

Солдаты проявили варварство к детям. Они с остервенением бросали их в вагоны, как камни, взрослых хватали и избивали держаками, избитых до потери сознания бросали в машины. Тяжело раненого в голову старика солдаты тащили за одну ногу и бросили в машину. Хватали женщин за волосы и тащили к автомобилю. Несчастная мать выпустила из рук ребенка, толпа затоптала его ногами. Многие брошенные в автомобили прыгали обратно, их избивали прикладами и вновь бросали в автомобиль и увозили к вагонам, стоявшим на линии железной дороги.

Один из солдат, устремившись к аналою, на котором совершалась литургия, с такой силой ударил держаком, что переломил крест и руку священника, который хотел защитить крест. Упавшего священика солдат поволок в машину. Обезумевшая толпа давила женщин и детей. Многие, убедившись в безнадежности положения, стали кончать самоубийством. Не видя никакого выхода, толпа, прорвав цепь английских солдат, бросилась к реке Драве. Солдаты, не сдержав обезумевшей толпы, стали стрелять. Убитые и раненные падали с крутого берега в реку и тонули. Многие женщины, прижав к груди детей, тоже бросались в реку и тонули. Отцы убивали своих детей и жен и кончали самоубийством. Одной беременной женщине штыком распороли живот так, что вывалился ребенок, но она в безумии, настолько имела сил, что несколько метров протащила ребенка по земле, пока не упала мертвой. Много было затоптано женщин и детей, много повесилось в лесу на деревях, многие убежали от этого ужаса в горы и погибли там от холода и голода. Очень трудно описать и передать всю эту драму демократической расправы с безза-

щитными людьми. Ваш покорный слуга был в самой гуще толпы, случайно был вытеснен толпой к забору, где стоял молодой английский офицер, которому и сказал, что "я — старый эмигрант" и, когда подбежали два солдата, хотевшие схватить меня, он отстранил от меня удивленных солдат, и сказал, чтобы я оставался около него, а затем, подозвав младшего сержанта, отправил меня с ним в первый барак, куда, как потом уже выяснилось, должны были явиться все старые эмигранты. Вот почему мне знакома эта трагедия. Этот ужас длился втечение всего дня. На отчаянные крики и стоны многотысячной толпы из города Лиенца и окружных сел сбежалось много австрийцев, открыто протестовавших против такой зверской расправы с безоруженным народом, в особенности с женщинами и детьми. Они, по собственному почину, вызвали представителя международного Красного Креста и потребовали его вмешательства. И, действительно, дикое побоище в лагере было прекращено.

В окружности же лагеря, по лесу вдоль Дравы, где очень многие жили около своих подвод, избиение и ловля людей продолжалась до самого вечера. Такая же самая дикая расправа происходила не только в лагере, но и в полках, где люди, взявши друг друга за руки, категорически отказались добровольно сдаваться. Их просто давили танками и потом, подавленных и искалеченных, бросали в стоявшие тут же машины и отвозили в вагоны. Многим удалось убежать в горы, а затем перебраться в г. Зальцбург, в американскую зону. Вокруг Лиенца ловля людей, спускавшихся с гор, продолжалась довольно долго. Всех пойманых направляли в специально устроенный около маленького городка Никольсдорф лагерь, окруженный колючей проволокой, а потом частями отправляли в неизвестном направлении.

В лагере Пегец из 4,200 человек, после побоища, осталось в первый вечер всего около ста человек. Всего же в Долину Смерти было загнано, по сведениям интенданта, около тридцати семи тысяч человек.

Оставшиеся после побоища люди занялись уборкой убитых и стали сносить их в братскую могилу. Родственников и знакомых закапывали отдельно. Когда все успокоилось и когда лагерь был заполнен другими беженцами: русскими, сербами, хорватами и словенцами, на братской могиле был поставлен большой крест с надписью: "1-е июня 1945 г."

После побоища, оставшиеся без хозяев коровы, волы и лошади бродили по лесу и по поляне. Все австрийское население Лиенца и окружных сел занялось грабежом: тащили не только такие вещи, как швейные машины, но и всякий материал из разных войсковых мастерских. Частное имущество с подвод было разграблено до последних тряпок. Английские военные власти тоже не упустили момента и в свою очередь набрали несколько тысяч табунных казачьих лошадей, которых потом постепенно грузили в вагоны и отправляли в неизвестном направлении. Волы же и коровы пошли на мясо английским солдатам. Еще и до сего времени по лесу во многих местах лежат обломки казачьих подвод, напоминающие незабываемые кровавые события.

На обращение из многих лагерей Европы к английскому королю Георгу, Папе Римскому, Черчилю, Парламенту, Архиепископу Кентерберийскому и к правительству Америки ответа не последовало: совесть, так сказать, мировой демократии не проснулась и тысячи людей были выданы. Спрашивается: где же то международное право убежища, которое существовало до этого времени? Кем и во имя чего уничтожено это право, т.е. во имя каких гуманитарных целей? И для чего вырабатываются декларации прав человека на конференциях, когда создатели всех этих конференций сами первые попирают права человека в своих материальных интересах. **Иван Власенко.**

МЫ И НАШЕ ЖИТЬЕ

С нашей эмиграцией творится много парадоксов. Мы бежали от диктатуры, от рабства, а сами очень далеки от совершенства и, возможно, устроили бы другое рабство, худшее, еслибы была возможность. Об нас пишут и "заботятся." Благодаря нашим нуждам, люди обогащаются и мы выглядим в общественном мнении по разному, но и до сих пор вопрос о нас не разрешен. Сидим в лагерях, развращаемся, опускаемся, плодим детей, враждуем между собой и все более и более отвыкаем от нормальной трудовой жизни. Это трагедия! Внешне мы уже сыты, обуты, одеты, но духовно мы уже не способны на восприятие идеи свободы. Есть среди нас "гласы вопиющие в пустыне," которые еще пробуют указать людям путь, чтобы остановить падение. Но таких мало.

Больше нас стараются изобразить мучениками за правду (Блаженны изгнанные за правду). Сейчас слишком много правд раз-

велось на земле, и за какую из них они изгнаны, сказать трудно. Мы не изгнанные, а просто не хотели в той "правде" жить и ищем другую, а какую, — сами не знаем, ибо больше слушаем желудок и своих вождей, которые обещают сытую жизнь. Бежали от смерти, от тяжелого труда и нужды. Но вряд ли имели правду и искали ее. Ведь большинство из нас не думали о политике и о вопросах правды. Плохо стало, бежали и говорили, что не хотим ехать обратно, ибо там хуже и раньше времени умереть не желаем. Сами же мы не ангелы и не идеальные люди, а такие же со всеми недостатками и пороками, какие были и остались, и готовы опять надеть ярмо рабства и подчиниться какому-то вождю, монарху или государству, если нам пообещают сытую плотскую жизнь. Хочется сказать словами А. С. Пушкина:

"Паситесь, мирные народы!
Вас не пробудит чести клич...
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич."

Среди нас очень сильно поклонение "авторитетам" церкви и вообще верят, что какие-то "сверх-люди" завоюют им счастливую жизнь, если они им поклонятся и пойдут за ними на смерть. На таких, как я, смотрят, как на еретиков, вредных людей, разрушающих "основы." О нас тоже говорят, как о "заблудших овцах" и распускают всякую ложь. Людей, которые могут принять самостоятельное решение, вопреки большинству, очень мало и все наши лагеря представляют стада людей, послушных разным проходимцам или фанатикам, опирающихся на всеобщее заблуждение, на национальные и религиозные предрассудки, зовущие нас к прадедам и к прошлому...

С. К.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

ИРО в Германии спешит закончить свою работу, заключающуюся главным образом в расходовании средств, отпущенных на расселение ди-пи. Последние месяцы ИРО-вские чиновники стараются "наверстать опущенное" и поплотнее набить карман к тому времени, когда и они очутятся на положении нищих и бесправных ди-пи. Поэтому пайки в лагерях становятся еще меньше, суп жиже и "штрафы" сыплются чаще. Дело в том, что штраф — доходная статья. "Оштрафованнюму" не выдают сигарет. А сигареты сбываются "на сторону" и выручка идет в карман "дирекции." Штрафуют же за все, что может придумать начальство.

Надо полагать, что лагерное начальство основательно нажилось за годы своего "владычества" и не будет голодать после ликвидации ИРО. Кажется у Салтикова-Щедрина есть выражение: "Дайте мне на содержание казенную мышь и я прокормлю свою семью." А тут на содержании тысячи людей. Так что семью можно прокормить и даже очень неплохо.

В распоряжении ди-пи, конечно, нет никаких статистических сведений и данных о приходо-расходной части ИРО-вской деятельности. Говорят, будто бы на одного ди-пи в день отпускается несколько долларов. Расходуется же на ди-пи несколько центов. Остальные идут "на дядю." Однажды в газетах был опубликован отчет о расходах ИРО и мы подсчитали, что денег хватило бы для того, чтобы раза два-три свозить каждого ди-пи за океан и привезти обратно. Просто надо поделить сумму расхода ИРО на количество ди-пи и все будет ясно. Сколько фактически израсходовано на содержание, этого наверное никогда установить не удастся.

Большая часть ди-пи переведена "на немецкую экономику." Это означает, что лагеря переданы немцам и что ди-пи выполняют ту же работу, которую они выполняли в Гитлеровские времена. Только теперь ди-пи — "свободны" и немцы не смеют их лупить палками. А в остальном все, как прежде.

"Свободный" ди-пи получает пособие, достаточное только для того, чтобы не протянуть ноги. Кто посильней и поздоровей — направляют на работу на участки, куда не идут немцы. На работу нужно ездить, теряя в день 2-3 часа, т. к. лагеря обычно расположены вдали от центров. Работа одна: лопата, кирка, тачка. Специальности за ди-пи немцы не признают. Заработок 40-45 марок в неделю. Если у ди-пи семья, то думать о приобретении одежды и обуви не приходится. Надо платить немцам за угол в бараке, за проезд на работу, надо платить налоги наравне с немцами, хотя ди-пи не виновник, а жертва немецкой агрессии и не должен бы участвовать в платеже репараций и других чисто немецких долгов. После всех вычетов и расходов, связанных с работой и жильем, денег едва остается, чтобы прокормить семью до следующей получки. На работу же по специальности или хорошо оплачиваемую нашего брата немцы не берут, пусть ты даже в десять раз лучше работаешь, чем немец. Таковы "демократические блага" для ди-пи. Но другого выхода нет и приходится еще благодарить немцев, что дают хоть какую-нибудь работу.

Отношение немцев к ди-пи лучше всего рисует такой факт. В связи с приездом войск в Европу потребовалось освободить казармы, в которых живут ди-пи. Но куда девать этих "перемещенных лиц," уже десятки раз перемещаемых из лагеря в лагерь? Решили построить для ди-пи бараки, т.к. немцы категорически отказались пускать ди-пи в свои дома. Распределили, где бараки построить, сколько ди-пи расселить. И вот тут-то начался шум. Местные правления заявили решительный протест против ди-пи, аргументируя перенаселенностью да недостатком жил-площади, отсутствием работы и т. д. и т. п. В ход пущены все пружины, созываются заседания, собрания, газеты печатают изо дня в день протесты населения, местные "фюреры" с пеной у рта кричат, что только через их трупы ди-пи будут впущены на их землю. Город, вблизи которого я живу, насчитывает 30 тысяч жителей. Здесь нужно выстроить 9 бараков, чтобы разместить 400 ди-пи. И вот уже скоро месяц, "отцы города" "не могут" найти места для бараков. Местная газета ежедневно отводит почти полстраницы этой "проблеме" и все материалы пропитаны таким ядом и злобой, что нехватает только выражений "грязные иностраницы," "вонючие свиньи" и "унтерменьши"... Даже несколько "разумных" голосов тонут в хоре

злобного шипения. Чтобы составить себе представление о реакции немцев на приезд ди-пи, я приведу только самый "разумный" отзыв. Вот что пишет в газете один из читателей (перевожу сокращенно): "О бараках для ди-пи. Мы не хотим ди-пи, но мы хотели от западных союзников гарантий нашей безопасности. Их нам дали. Прибывают войска. Они не должны жить в наших квартирах, но в казармах. А казармы заняты ди-пи. Ди-пи надо выселить, но не в наши же квартиры! Единственно в бараки. Стало-быть, бараки надо строить."

Повторяю: это наиболее "разумный" отклик. Другие — одни дипломатично, иные грубо, — обвиняют ди-пи во всех смертных грехах и даже... заботятся о нравственности своего немецкого населения, которая может пострадать от соприкосновения с ди-пи! Это немцы-то! Что бы понять наше возмущение, приведу такой пример: в одной немецкой школе был произведен медицинский осмотр всех девочек от 12 до 15 лет. Из 120 учениц этого возраста оказалось... 7 девственниц! Что и говорить, о такой "высокой нравственности" даже наши ди-пи не имеют понятия. Так что заботы "отцов города" вполне понятны...

Немцы только-только получили самостоятельность в решении местных вопросов. Что же будет дальше, когда они почувствуют себя действительными хозяевами и вершителями наших судеб? Страшно подумать!

Ди-Пи.

Царство тьмы

Получил номера журнала "Знамя России," прочтя которые, почувствовал себя, как будто бы я совершил экскурсию на кладбище мысли: "за веру, царя и отечество; за православие, самодержавие и народность"... Отдает от всего этого царстца тьмы гнилью и сырой плесенью. Обильно льют господа Чухновы крокодиловы слезы за русский народ, который, мол, не свергал царя с престола в 1917 г., все это дела интелегенции, народ же хочет только "самодержавного русского царя."

Забыли они или умышленно обходят тот факт, что самодержавный монарх был свергнут с престола не интеллигенцией и партийцами, а самим же народом, народной стихией. А в 1905 г. кто же жег помещичьи имения? Народ. Что же он это делал из любви к самодержавию? А в период гражданской войны кто гнал белую реакцию, хотевшую реставрировать порядки, существовавшие при "великой, единой и неделимой"? Народ, за который г-да Чухновы фарисейски распинаются. Нет, народу русскому не нужны самодержцы коронованные и некоронованные. За первых говорит 1917 год, а за вторых 1941 год, когда народ не хотел воевать за самодержца Сталина, но, увидев, что несет ему "освободитель" Гитлер, в интересах спасения собственной жизни, спас и тоталитарный режим Сталина, в рабстве которого пребывает и сейчас, но скрыто ропщет. Не далек тот час, когда подавленные народные силы прорвутся наружу и сметут самозванного самодержца. Какой будет установлен строй правления в России, сказать не может никто из предсказателей, но корнованного монарха народ никак не хочет. Сейчас в России г-да Чухновы не найдут никого, кроме выживших из ума дряхлых старух, кто бы верил в легенду, что "государь потаенный до часа ходит по русской земле"; верующие в нее имеются только в зарубежном кладбище из мертвого царства.

ИВА.

Русские и "западники"

Дорогие "делотрудовцы"! Шлю вам приветствие и благодарность за журнал "Дело Труда-Пробуждение," который я распространил среди своих соотечественников. Журнал прочитывается с большим интересом русскими выходцами. По прочтении одними передается для чтения другим. Все хорошо о нем отзываются и просят присылать таковой регулярно каждый номер. Присылайте журнал в количестве 5 экз. по моему адресу, а я в свою очередь буду распространять среди других.

Между нами русскими, включая белоруссов и украинцев из русской Украини, и украинцами-галичанами происходят постоянные распри, доходящие иногда до побоищ. Украинцы-западники ратуют за самостойную Украину, а так как их в лагере подавляющее большинство, то редко кто из нас, русских выходцев, посмеет им противоречить, доказывать им тщетность их попытки, как ничтожного меньшинства по отношению к великой русской Украине, навязать свою волю всему сорока-миллионному украинскому народу, впитавшему в себя обычаи и традиции необятной России. А если найдется такой смельчак, то западники набрасываются на него и беспощадно избивают. Часто приходится от них слышать презрительное выражение "руссиян," если кто-либо из нас говорит по-русски. После окончания войны в 1945 г. я, не желая быть высланым в Россию, решил скрыться в украинском лагере. Я — великоросс, по-украински не говорю и, когда зашел в лагерь и обратился с просьбой, чтобы мне позволили приписаться в нем, мне заявили убраться оттуда, так как я не украинец, а руссиян, москаль.

Я направился к немецкому "баверу," чтобы наняться на работу. Я представился ему, как белоросс, он мне отказал в работе, заявив, что последовало распоряжение от американских властей не принимать русских на работу. Он посоветовал мне записаться, как украинец из Галиции, что я и сделал.

Через месяц после поступления на работу американская военная полиция забрала меня на сборный пункт советских граждан в Бамберг, Бавария, где раньше была немецкая тюрьма. Здесь я пробыл 3 недели и меня почти ежедневно допрашивали, откуда я родом. Я все время отвечал, что родился в Барановичах, в польской Белоруссии. Меня спросили, могу ли я читать и писать по-польски? Ответил: нет. В конце-концов позвали советского офицера из Репатриационной Комиссии, который, в присутствии американцев, задал мне множество вопросов, чтобы заставить меня ехать назад в царство Сталина. Пристальный взгляд, зверинное выряжение лица чекиста вывели меня из терпения и я громко заявил, что родины у меня нет, назад не поеду, а остаюсь здесь. После этого вмешался американский офицер и через переводчика я ему ответил, что предпочитаю растрел здесь возвращению в Россию.

Тогда мне был задан вопрос: что я намерен делать здесь? Я ответил, что намерен уехать подальше от "родины." Американский офицер улыбнулся и спросил полицейских, где они меня взяли. Те ответили, что с работы у "бавера." "В таком случае заведите его назад," — сказал офицер. И этим дело закончилось.

И. М—ко.

"Государство есть господство дурных, доведенное до крайности. Господство в государстве основано на физической силе." Л. Н. ТОЛСТОЙ.

ШТУТГАРТ, Германия. — Вам не понятно, почему люди обеспеченные хотят перебраться из Германии в Америку, согласны бросить свое дело и ехать туда, где придется наживать все сначала. В Германии никто из наших не чувствует себя "дома." Мы узнали немцев за это время настолько хорошо, что не питаем никаких иллюзий на их "перевоспитание." Они такие же нацисты, как были при Гитлере, так же, если не больше, ненавидят всех иностранцев, в том числе и американцев. Сейчас у них создается свое правительство, им снова развязали руки и первое, что они постараются сделать — это лишить иностранцев права заниматься тем, чем они желают. И даже наши люди, сравнительно обеспеченные, отдают себе отчет в том, что они никогда не смогут выдержать немецкой конкуренции и через год-два будут сведены на положение безработных. Никаких перспектив, никаких надежд на будущее у нас здесь нет среди такого враждебного народа. Исключения, конечно, могут быть, но для одного-двух из десятка тысяч.

Кроме того, не нужно забывать вечной угрозы со стороны СССР. Что будет, если советские войска займут всю Германию? Первый же немец выдаст нас "своим." А что за этим последует — очень хорошо известно. Поэтому я еще не встречал наших людей, которые желали бы здесь остаться и налаживать свою жизнь, хотя некоторые сумели устроится неплохо. Правда, сейчас здесь нет официальных притеснений, нет принудительных мер, на первый взгляд — полная свобода. Но это только кажется. Это дань американцам, англичанам, французам, управляющим своими зонами. Достаточно предоставить немцам решать нашу судьбу — и все пойдет по-другому, мы снова станем "унтерменшами." Кому же это хочется?

Все рады ехать, куда угодно, только не назад в советскую Россию и не оставаться в Германии. Лично я, например, уже писал вам, что расчитываю в Америке только на работу, на свои силы. На это же расчитывают все наши люди, с которыми мне приходилось встречаться. **Х. У.**

●

МЮНХЕН, Германия. — Дорогие товарищи, извиняюсь за долгое молчание. Причины этому следующие: длительная болезнь, не имел адреса после выхода из госпиталя, так как пришлось долго искать квартиру, которую очень трудно найти теперь в Германии.

Номера журнала "ДТП" прочитываются с большим интересом. Часто собираются мои товарищи у меня на квартире и мы сообща разбираем интересующую нас статью в журнале. Но беда в том, что у нас нет книг по анархизму, которые помогли бы нам разобраться и понять основательно это учение, и еще большая беда в том, что у нас нет средств на выписку таких книг. Именно теперь, когда человечество зашло в тупик, хочется изучить и понять идею безвластия, могущую вывести человечество из тупика. Поэтому, наше дело требует большего размаха, больше активности и интенсивного распространения анархизма в широких рабочих массах, а для этого нужны средства. **Л. С.**

●

ЭЙЗЕЛСДОРФ, Германия.—Уважаемая редакция "ДТП," ваш журнал и книги получил, за что очень благодарю вас. Присланная литература помогла мне разобраться в том, что раньше было для меня в тумане. Я прошу вас и в дальнейшем высылать мне подобную литературу, которой я очень интересуюсь.

Очень сожалею, что не могу участвовать в ваших расходах. Я без работы, да и немецкие марки не имеют хождения в Америке. Прочитанную литературу я передал своим товарищам для чтения.**А. Г.**

●

МЮНХЕН, Германия. — Дорогие друзья! Разрешите поблагодарить вас за присланные журналы, которые прочитываются с глубоким интересом. Журналом и учением анархизма заинтересовывается все больше людей из всех слоев населения СССР от бывших рабочих до инженеров и преподавателей в учебных заведениях. Мы все благодарим вас за ваши труды и желаем вам успеха в вашей честной, добросовестной, благородной работе. В наше бешеное время нужно дать всестороннее разъяснение идеи безвластия, указывая на несостоятельность властителей, ведущих миллионные массы из одного тупика в другой и отравляющих политическим дурманом подвластных, разжигая ненависть одних людей против других. Еще не высохли слезы матерей, еще не зажили раны инвалидов, еще не подросли дети-сироты жертв второй мировой войны, а вот диктаторы подгоняют народы к новой пропасти. **Л.**

●

МИТТЕНВАЛЬД, Германия. — Уважаемые труженики, благодарю вас за высланный вами журнал "ДТП," который захватывает не только меня, но и многих, потому что он говорит простым жизненным языком. Случайно я ознакомился с книгой Рубакина "Вопросы Самообразования." Она мне очень понравилась, я назвал бы ее библией. С прискорбием узнал, что его уже нет в живых, но его книга говорит о силе его мышления.

Родился я на просторах Слобожанщины (Украина) в крестьянской семье, но солнце отдавало свои благодатные лучи не для таких, как я. В 14 лет я оставил детские мечты и родное село и отправился в борьбе за существование в шумный водоворот города, избрав честный путь труда. Все время и во всех уголках я искал правды и знаний — у сектантов и партийцев, но не нашел. Судьба бросила меня на эмиграцию, что для меня очень тяжело. В общем для видевших жизнь в ее наготе не страшны условия. Страшным призраком для меня является мрачная действительность раннего детства. Мне тяжело, но я доволен тем, что хоть в конце жизни вышел из трущоб и шире свет увидел. Где закончу последние дни моей жизни, — для меня не имеет большого значения, т.к. я не ищу приобретения богатства. Мое пристрастие не к вину, курению и роскоши, а к чтению. Удовлетворить эту потребность я не могу, поэтому прошу: дайте почитать. Желаю вам успеха в плодотворной работе. **Г. С-ко.**

●

АМБЕРГ, Германия. — Скорблю о преждевременной кончине т. Максимова, которого я лично не знал, но его смерть меня сильно взволновала, т.к. в нем прогрессивное человечество потеряло одного из своих лучших сынов.

После операции я чувствую себя плохо. Доктор посоветовал мне достать стрептомицин, которого мне нужно до 70 граммов. Я питаю надежду, что

кто-нибудь из товарищей отзовется на мою просьбу. За это я буду очень благодарен.

Мне вспоминается один эпизод. Это было в начале лета 1942 г. под Милерево. Невыносимая жара и усталость от ночного перехода заставили меня заскочить в дом к жителям, чтобы попросить напиться и налить в флягу воды. Не успел я напиться, как налетели вражеские самолеты и начали бомбить и обстреливать из пулеметов наше скопление войск, автомашин, орудий и артиллерийских повозок. Я выбежал из дома и очутился возле недавно вырытого окопа, на дне которого лежали кусочки кем-то порванной партийной книжки. Я поднял кусочек, как в этот момент совсем недалеко разорвалась бомба и кто-то вскочил в окоп.

"В радиостанцию целили фашисты. А это ты, Николай? Все в порядке?" — спросил, прижавшись к стене окопа, мой друг Саша. — Еще один струсил, — продолжал он, рассматривая поднятый кусочек партбилета. — Смотри, здесь и фото есть, не успел совсем порвать, тхор проклятый. Все они — такие "храбрецы" в бою, но мастера показать себя перед своими безоружными жертвами в четырехбуквенных застенках.

Я взял фотографию из рук Саши. Она была почти до половины разорвана. На ней я увидел мужчину лет 40, в форме войск капитана государственной безопасности. "Пройдут годы и под напором народов рухнет деспотический режим, — мечтал дальше Саша, — и разорванный партбилет "отца народов" будет валяться у наших ног. И, может-быть, после этого настанет светлое будущее, за которое так много крови пролили наши отцы в борьбе с контрреволюцией. Их победу украли бессовестные и наглые приходимцы из партии большевиков."

Самолеты улетели. Мы вылезли из окопа и пошли дальше. Тяжелые походы и боли ждали нас впереди. Разорванных партбилетов я видел сотни на дорогах войны. В критический момент их выбросили. Это знак "крепости" сов. власти. **Николай П.**

●

МЮНХЕН, Германия. — Дорогие друзья, случайно у одного гражданина увидел книгу Нестора Махно и журнал "ДТП." Я не отстал от него до тех пор, пока не прочитал их. Два раза прочел, а потом возвратил. Считаю за большое счастье для человечества, что есть еще люди, которые, не покладая рук, работают на его благо. От этого очень приятно на душе. Я был бы вам очень благодарен, еслибы получил от вас хоть пару книжек и хотя бы старые номера журнала "ДТП." Больше просить не могу, ибо не имею денежных средств. Я работаю на ферме у немцев. Там читали ваш журнал и книгу Махно всей бригадой в 40 человек. **Я. П.**

●

ДЕГЕНДОРФ, Германия. — Мы, люди второй эмиграции и почти все безработные, получили ваш журнал "ДТП" и в виду особого интереса дважды прочитали его. Желательно получать журнал и в дальнейшем, но, откровенно говоря, платить у нас нечем. Хотели бы прочесть книги Кропоткина и Бакунина. Мы хорошо знаем, что рабочие и крестьяне в России не стремятся к старому, а ищут новые пути к свободе и справедливости. Их нужно осведомлять, тогда никакая партия эксплуататорская не сможет одурачить их. Если можете, шлите нам литературу. Прочитанные журналы мы пересилаем русским в другие города. **Л. И.**

МЮНХЕН, Германия. — Благодарю редакцию "ДТП" за присылку журнала. Так как я бывший офицер белой армии, то понятно, что большевики не оставили бы меня в покое. Из Данцига я был командирован фирмой, у которой работал, в г. Лютерштадт, Вюттенберг, где и застала меня ликвидация гитлеровской армии. Ходили слухи, что советы не пойдут дальше реки Одера или Эльбы. Я решил ждать. И вот ранним утром в нашем селе появились передовые части большевиков. Начался грабеж: останавливали прохожих, отбирали часы, снимали золотые кольца, серьги. На меня указал один советский военнопленный, но вмешательство немца, говорящего по-русски, спасло меня от пули. В дальнейшем пошли ежемесячные регистрации всех, а потом и для иностранцев. Последняя моя регистрация была в октябре 1947 г. После этого э решил бежать, т.к. пошли аресты иностранцев, в особенности бывших русских подданных. С помощью немцев я добрался до границы и благополучно перешел ее. По словам беженцев-немцев, Данциг почти весь разрушен. Там в течение 3 дней свирепствовали большевики и поляки. Из русских были убиты ген. Дьяков и Миллер, некоторых увезли... Там оказалась предательница, некая Терещенко из Киева. По своему мировоззрению я — идеалист и думаю, что безвластное воззрение очень близко к этому. **С-кий.**

●

БЕЛЬГИЯ. — Уважаемые товарищи, уже два года, как мы получаем от вас журнал "Дело Труда-Пробуждение." В нашем шахтерском поселке живут русские эмигранты с 1947 г. — около 25 человек, а также украинцы и белоруссы. Больше всего журнал "ДТП" читают русские и украинцы. 5 экземляров, которые вы нам присылаете, мы читаем по очереди, или прорабатываем группами материалы из "ДТП," которые хотя и кратки, но зато истинно справедливы. Очень вам благодарны за журнал. Если имеете возможность, высылайте и в дальнейшем. Хотелось бы вырваться из этих бельгийских шахт за океан, но за океаном нет у меня родственников. Из полученных 5 экз. четыре передал на большие шахты. **Г. М—ко.**

* * *

Дорогие "делотрудовцы," ваш журнал свободной мысли желал бы получать и в дальнейшем, но в увеличенном числе экземляров, если можно, т.к. число людей, читающих по-русски, велико: с выездом В. Д. район Бой-ду-Лук остался без журнала, поэтому мне приходится урезывать в своем районе и пересылать туда. Кроме того, много русских в глухой провинции Лимбург, куда тоже следует направить хоть несколько экземпляров "ДТП." Журнал удовлетворяет духовные нужды своих читателей. Особенно большой интерес к справедливой критике властителей-эксплоататоров. Журнал читают многие нацменьшинства и все дают о нем положительные отзывы. Мы надеемся, что и в дальнейшем вы будете присылать нам уважаемый журнал "ДТП," как духовную пищу. **Н. Р—в.**

* * *

Уважаемые друзья! Последний выпуск журнала "ДТП" получил и в свою очередь разослал русским шахтерам, работающим в пяти больших шахтах Бельгии. Получающие от меня журнал после прочтения передают другим, а в свободное от работы время устраиваем коллективную читку и сообща обсуждаем помещенный в журнале материал. Не-

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ПАРИЖ, Франция. — О войне афиш давно собиралась написать вам, но теперь к прилагаемой вырезке мне уж нечего добавить. Во французской газете было напечатано письмо из СССР с десятью подписями об Эль Кампесино, которого знали уже в Испании до приезда в СССР, как предателя.

Журнал "ДТП" (№ 34) производит очень хорошее впечатление. Чувствуется, что большинство статей написано новыми невозвращенцами. Эти статьи страстны своей мукой и богаты фактичностью. Весь номер хорошо подобран и составлен. Автономов образно поведал нам, как страшно жить без хлеба и свободы. Хочется подчеркнуть глубокую истину: не будь в капиталистическом мире столько отрицательного, большевики не одержали бы столько побед на Западе. Горячо приветствую актуальные цитаты из Бакунина и Кропоткина. Небольшая статья "Последние Пленные" оставляет в душе большую рану у тех, кто сам пережил гитлеровские или советские концлагери, кто имел или имеет в них своих близких. Статьи Герасимова и Пермяка дополняют друг друга о советской действительности.

Статья Живко Колева — крик наболевшей души. Эта статья, а также статьи: "Как быть," "Опасность авторитарного коммунизма" и "Две системы" нуждаются в обсуждении читателей журнала.

Очень интересны воспоминания партизана, как исторический и воспитательно-психологический материал. Незабываемое впечатление производит старик Павлюк в "Болщшевицком правосудии." Очень интересна статья Алексеева "Похороны Сажина-Роса." Автор многое видел, пережил и умеет это передавать другим. После воспоминания о Вере Фигнер — это вторая статья Алексеева, которую мне посчастливилось прочесть. Наблюдательному и вдумчивому автору есть что сказать. Мое горячее пожелание автору, чтобы он написал все, что видел и пережил, и издал бы это отдельной книгой. Очень люблю сочный и красочный стиль Гус-ина: я в большом восторге от его статьи "Царство Лжи."

К благородности Агнес Инглис я хотела бы присоединить свой голос, как библиотекарь и либертарий. Письма невозвращенцев — это голос самой жизни. Веет жутью от письма "Германия Сегодня": Гитлера нет, но его работа продолжается. Трогательны письма-просьбы о присылке журнала и книг. Очень хорошо, что дали хоть краткий отчет о конференции. Прочла и должна сказать, что ни сталинский, ни гитлеровский режимы не могут убить в людях мысли и жажды свободы.

С 1 декабря 1950 г. "Либертэр" снова выходит еженедельно. Призыв к читателям жертвовать по 100 франков в неделю на поддержку газеты нашел живой отклик. В каждом номере помещаются статьи, посвященные вопросам войны и тактике либертариев. Высказываются приблизительно следующие мысли: Сталин и Труман подготовляют бойню. Война угрожает всему миру. Она уже стучится в наши двери и мало надежды, что ее можно будет избегнуть... Пресс военных налогов растет... Растет антисемитизм и шовинизм. Два блока бросились на завоевание мира. Оба обладают гигантским экономическим и промышленным потенциалом и огромными резервами "человеческого" материала, оба ощетинились...

Конечно, народы войны не желают. Но где сила и воля народов, которые предотвратили бы войну? Сторонники мира? Несомненно, это самая могущественная организация. Но... перед корейско-китайскими успехами они наивно закрывают глаза. Пацифисты? Они нигде большой роли не играли. Граждане мира? После сторонников мира граждане мира количественно могучая организация, но она напрасно растратила свои силы, создав мировую Асамблею. Люди, подписавшие их хартию, имеют не большее значение в вопросах войны и мира, чем люди, подписавшие стокгольмское воззвание. Синдикаты? Все они, за исключением одного, мирятся с войной: одни выбирают войну в пользу СССР, а другие в пользу США. Остаются анархисты. Но надо правде посмотреть прямо в глаза и сказать, что они количественно слабы и это не дает возможности проявить себя сейчас в действии. Однако идеи должны проводиться и массы подготовляться для третьего революционного фронта. Идеологическое оружие — единственная надежда на мир и свободу. Рабочим необходимо учесть уроки двух войн и трех революций и сделать соответствующие выводы.

Рабочий день увеличивается. Возрастает дороговизна жизни. Строго устанавливается зарплата, не соответствующая прожиточному минимуму. Растет жадность хозяев и полицейский произвол. Идеи тоталитарного государства все выше подымают головы. И все насилия совершаются во имя "свободы"... Единственный выход — в третьем революционном фронте.

А. Ш.

СИДНЕЙ, Австралия. — Уважаемые "делотрудовцы"! Я очень долго не писал вам, но сейчас пишу данное письмо, чтобы выразить свое мнение и мнение моих товарищей о вашем журнале и поблагодарить вас за присланные нам книги. Мы собираемся и читаем вашу литературу, в которой точно освещаются вопросы о мировых событиях и о взаимоотношениях между трудящимися и капиталистами. Кстати, следует отметить, что старая эмиграция из России после революции, работающая тяжело физически на капиталистов, ведет себя унизительно перед ними и мечтает тоже об обогащении, не зная того, что для обогащения небольшой кучки тунеядцев нужны сотни и тысячи людей, которые работали бы на них и терпели постоянную нужду. Такие наивные люди даже не желают слушать, когда им говорят, что люди могут жить без хозяев-паразитов при равных экономических условиях, при кооперативном производстве не для обогащения государственных чиновников или кучки капиталистов, а для потребления и удовлетворения нужд или потребностей всех людей.

Здесь есть небольшой русский клуб, в котором люди сходятся и ведут беседы по многим вопросам: одни заботятся о финансовом улучшении своего маленького журналчика "Русский в Австралии," который базируется на двух вопросах: лесть перед австралийскими властями и на церковных делах. Люди мечтают о постройке большой церкви насчет эмиграции, чтобы одеть в ризы старых адвокатов

которые обращаются ко мне за объяснением вопроса, что такое анархизм, но я сам мало знаком с этим учением, поэтому не могу объяснить им. Вот почему желательно получить от вас книги по анархизму, чтобы ознакомиться с этой идеей и объяснить ее другим.

М. Т.

для одурачивания рабочих. Есть и такие, которые желают, чтобы вспыхнула мировая война и чтобы иностранные войска вторгнулись в Россию и освободили русский народ от большевиков. Таковы наши дела и делишки. **Т. Новый.**

ЛОНДОН, Англия. — Посылку с журналами получил и, как всегда, был очень рад. Журнал "ДТП" даю читать лицам, читающим по-русски. Они читают его с большим интересом, о чем я сужу по запросам: "Когда получите следующий номер, дайте, пожалуйста, почитать." Одни читатели интересуются материалом из жизни за железным занавесом, а другие интересуются жизнью народов по сю сторону. Они отзываются о журнале так: большая правдивость в изложении помещаемого материала. Лица 35-40 лет больше всего интересуются в журнале текущими событиями, а лица более старшего возраста обращают внимание на вопросы переустройства взаимоотношений между трудом и капиталом. С ними я делюсь книгами, которые вы мне прислали.

Большим успехом пользуется Юбилейный Сборник, изданный Детройтским кооперативом, а также "Век Разума" Т. Пэйна, "Кронштадское Восстание" Ярчука... Книга II и III Н. Махно с большим интересом читается теми, кто "считает себя"... монархистами. Очевидно весь их "монархизм" навеян разговорами о том, как материально хорошо жилось при царе. Об этом "козыре" монархистов писалось в одном из выпусков "ДТП" за 1949 г. Монархисты, конечно, умалкивают об унижении личности простого человека. Надпись над входом в сад в Кронштадте гласила: "Пьяным, собакам и матросам вход воспрещен."

По поводу районной конференции, состоявшейся 29-30 июля 1950 г. в Нью Иорке, хочу написать н-и. группе следующее: издание "ДТП," как единственного анархического журнала на русском языке, крайне желательно для второй эмиграции, потому что она не знакома с социально-экономическим учением Бакунина и Кропоткина. Журналы "ДТП" читаются, как говорится, от корки до корки с неослабевающим интересом. Желательно, если позволят финансы, издавать журнал хотя бы раз в два месяца. Это обстоятельство значительно оживило бы содержание и еще более приблизило бы его к читателям. **П. Седой.**

ОСЛО, Норвегия. — С получением № 33 "ДТП" узнал, что ушел дорогой т. Максимов. До глубины души я был потрясен, спазмы сжимали горло, не хотелось верить. Невольно прибавилась мысль посылаемого проклятья кровавым палачам в Кремле, повинным в ранней смерти Максимова. Всеми силами поддерживаю предъявление большого счета нынешним правителям России за погибших товарищей. Они творят политический шантаж: взобравшись на троны, они забыли всякую гуманность, за которую боролись и умирали борцы за свободу. Теперь палачи, погрязнув во лжи, тонут в невинной человеческой крови и гнут рабочего и крестьянина в бараний рог. Большевики нагло и предательски обманули народ. Это им никогда не забудется.

Большое спасибо и за присылку № 34 "ДТП." Читаем с женой с восхищением. Если имеется возможность, пришлите что-нибудь из литературы. Хотелось бы сказать еще пару слов товарищам о двух статьях: "Как быть?" и "Лицом к будущему." Анархическое учение подобно алмазу: при любой партийности — это истина. На сегодня и завтра — побольше либертарной литературы в массы. О второй статье — сегодня мельница, на которую так или иначе придется лить воду, будет работать против "отца народов." Он слишком далеко зашел. Остается надеть только корону царскую. Разве возможно в такой момент быть страусом? Анархизм — это факел, указывающий путь к светлому будущему человечества. Этот факел зажжется в взбудораженной Европе. **Семен С—й.**

РОЧЕСТЕР, Англия. — Спасибо за № 34 журнала "ДТП," который я получил. Сейчас я нахожусь в далеком расстоянии от лагеря, имею много свободного времени, но нечего читать. Пришлите мне побольше вашей литературы. **Иван Р.**

ЮНГСТАВН, Охайо. — Посылаю почтовым переводом 22.50, которые составились из следующих сумм: 2.50 выручено от продажи № 34 "ДТП," 10 д. в фонд журнала от С. Медынича и 10 д. на ту же цель от интернационального пикника 17 сентября, давшего 139 д. чистой прибыли, которая была распределена след. образом: 49 д. на помощь политзаключенным, в Эдунола — 5 д.; на поддержку либертарной печати: "Юманита," "Л'Адуната" и "Культура Пролетариата" по 20 д., "Либертэр" — 15 д. и "Дело Труда-Пробуждение" — 10 д.

Посылаю еще 15 д. Это часть чистой прибыли, полученной от устройства вечеринки 9 декабря в Воррен, Охайо. 234 д. были распределены след. образом: на помощь испанским мученикам — 50 д., на защиту Флейта Рауко — 20 д., на защиту Иосифа Де-Луизи и Анджело Санна — по 7 д.; в Фонд помощи имени Александра Беркмана — 35 д.; на поддержку журнала "ДТП" — 15 д.; на поддержку "Л'Адуната" и "Культура Пролетариата" — по 50 д. Последние две газеты выходят еженедельно, а наш журнал "ДТП" выходит периодически, по этой причине было решено послать газетам больше. Жаль, что мы не в силах выпускать журнал ежемесячно.

Товарищи безвластники, на погашение дефицита нужно лишь 26 человек, которые внесли бы по 10 д. Я внес свою лепту. Кто следующий? **С. Медынич.**

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, Пенн. — Уважаемые товарищи, посылаю вам денежным переводом 38 д., из коих 7 д. — выручка от продажи № 33 "ДТП," а 31 д. собрано по подписному листу № 52 в фонд памяти Г. П. Максимова. Жертвовали по 5 д.: Яков Тимощук, Анатолий Марченко, Иван Д. (подпись неразборчива), В. Миров и Я. Кравчук; по 2 д.: И. Полюбанский и Н. Свирид; по 1 д.: Владимир Кудацкий и А. Захаров. Искренняя благодарность всем жертвователям.

Теперь мне трудно распространять журнал, т.к. с ногами неладно и с рукой плохо, но я креплюсь, не ропщу и не желаю подчиниться никаким болям, хотя мне перевалило уже на восьмой десяток.

Поздравляю редакцию "ДТП," всех членов нашей Федерации и всех борцов за свободу и социальную справедливость с Новым 1951 годом. **И. Скиталец.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Поздравляю всех с Новым Годом и желаю, чтобы объединенными силами мы смогли бы выпускать наш журнал "ДТП" регулярно, хотя бы раз в два месяца. На эту цель я посылаю 10 д.

В 1951 году есть много исторических дат: в феврале — 30-летняя годовщина со дня смерти П. А.

Кропоткина; в марте — 40-летие русской анархической печати в Америке, когда вышел первый номер "Голоса Труда," и 25-летняя годовщина со дня смерти А. А. Карелина, который написал для вышеупомянутого "Голоса Труда" 176 статей; в июле — 75-летняя годовщина со дня смерти М. А. Бакунина; в ноябре — 85-летняя годовщина со дня рождения знаменитой женщины-анархистки Вольтерины Де-Клэйр. Эти годовщины следует как-то отметить: кто статьей, а кто деньгами в фонд журнала.

Желательно, чтобы в наступающем 1951 г. мы перешли от слов к делу да провели в жизнь исключительно важное предложение т. Ф. Ч., т. е. создали бы кооперативный фонд, откуда брали бы деньги на издание книг, брошюр и, чего доброго, на издание еженедельной газеты, которая особенно необходима теперь. Пусть те товарищи, которые согласны с этим предложением, сообщат в Федерацию, что они смогут внести в этот кооперативный фонд 100-200 д., и тогда будет видно, что можно будет сделать, что издать. **И. Ч.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Поздравляю вас с Новым Годом, от глубины души желаю вам благополучия и надеюсь, что общими усилиями мы сможем выпускать "ДТП" ежемесячным изданием. На это ДОБРОЕ и НУЖНОЕ дело посылаю 20 д.

Желательно, чтобы товарищи, пишущие статьи для журнала, обратили серьезное внимание на два вопроса, выдвигаемых ди-пи: о национальных взаимоотношениях и об освободительной войне. Верю, что товарищи разъяснят эти вопросы коротко и просто, что принесет пользу нашему движению.

С товар. приветом **В. Торба.**

ЧИКАГО, Иллинойс. — Спасибо за журнал, который получил и прочитал с большим интересом. Из отчета видно, что материальное положение журнала не завидно, поэтому из своих скудных средств посылаю в фонд журнала "ДТП" 5 д. и призываю всех сознательных рабочих и друзей Дела Труда поспешить своими пожертвованиями в издательский фонд журнала. **И. Ков.**

ВИННИПЕГ, Канада. — Получил № 34 "ДТП," который весьма ценен по содержанию. Благодарю вас и посылаю на журнал 5 д. **О. Долгов.**

БИРДЗ ХИЛЛ, Канада. — Спасибо вам за журнал "ДТП," который мне очень нравится, так как, действительно, он зовет трудящихся к пробуждению. Он правильно освещает события и является подлинным органом рабочих и крестьян. Ваш журнал не нравится лишь тем людям, которые любят эксплоатировать других людей. Такие люди, ослепленные туманом, не ищут правды и не стоят за справедливость, но для меня журнал является светочем. Хотя я беден и не имею средств, но все же посылаю 1 д. на журнал. **Д. Хреськов.**

ЧИКАГО, Илл. — Посылаю 13.50 — это выручка от продажи № 34 "Дела Труда-Пробуждение." Подписной лист получен и пущен в ход. **И. Волков.**

МОНТРЕАЛ, Канада. — Посылаю 2 д. в счет подписки на уважаемый журнал "ДТП," с которым меня познакомил гражданин Х. Журнал ваш мне очень понравился своим содержанием. Я — старый человек, 68 лет. Прибыл в Канаду в 1913 г., а в 1914 г. перед самой войной приехала сюда и моя семья. Все мои дети (два сына и пять дочерей) получили среднее образование и хорошо пристроились к жизни. До 30 лет жил я в России и хорошо ознакомился с русской литературой, люблю русский язык и народ, за исключением большевиков. Здесь же свыше 37 лет живу в польской среде, поэтому немножко позабыл русский язык. Сердечно желаю вам успеха в вашей просветительной работе. **К. Н.**

НЬЮ ХЭЙВЕН, Конн. — Из своих скромных средств посылаю новогоднее пожертвование в сумме 5 д. в издательский фонд журнала "ДТП" и желаю журналу дальнейшего процветания и успеха в его борьбе за свободную жизнь человечества и большевиствующими пятиколонниками. Ди-пи хвалят журнал за хороший литературный язык, только идея безвластия им кажется очень тонкой, неосуществимой. Я говорю им: человечество испытало много идей; кто может ручаться, что идея безвластия не осуществится? **К. Корона.**

КЛИВЛАНД, Охайо. — Вместе с поздравлением с зимними праздниками разрешите мне внести малую лепту в фонд "ДТП" — 2 д. и пожелать вам всего наилучшего в вашей дальнейшей плодотворной работе. **М. С.**

ЭТВОТЕР, Охайо. — Спасибо вам за старания и за то, что присылали мне журнал "ДТП." Ныне я неспособен читать, поэтому прекратите высылку. Пошлите лучше молодым ди-пи, алчущим правды и жаждущим света: журнал принесет им не малую пользу. Желаю вам успеха и в дальнейшем. **Кулиш.**

ЮНГСТАУН, Охайо. — Из своей скудной пенсии посылаю на поддержку уважаемого журнала "ДТП" 2 д. и желаю вам всего наилучшего в 1951 г. **Ник К.**

АКРОН, Охайо. — Посылаю 5 д., из коих 2 д. в счет подписки и 3 д. в фонд журнала "ДТП." Продолжайте, друзья, и в дальнейшем вашу полезную для человечества работу. Желаю всем наилучших благ земных. **С. Гуц.**

АКРОН, Мичиган. — Как старый читатель журнала, я посылаю вам 7 д.: 2 д. в счет подписки и 5 д. в фонд "ДТП." Мне вспоминается Детройт, когда там русская жизнь била ключем. Сколько надежд возлагалось на социальную революцию в России, которую угробили большевики, установившие полицейскими мерами тоталитарный режим государственного капитализма. Ленин, Троцкий и другие главари большевизма беспощадно уничтожали подлинных революционеров, а Сталин завершил их Каиново дело, отправив к праотцам и многих своих партийных товарищей. Так установилось в России царство Держиморды, где народ ввержен в государственное рабство. При таком режиме трудно жить рабочему и крестьянину. Об этом свидетельствует массовое бегства из СССР. **П. Б.**

СЕЙМОР, Конн. — Посылаю почтовым переводом 5 д. в счет подписки и в издательский фонд журнала "Дело Труда-Пробуждение." **Л. Г. Б.**

МАДИСОН, Иллинойс. — Посылаемые 5 д. — мое новогоднее пожертвование в фонд журнала "ДТП," всем работникам которого желаю всего хорошего.

С тов. приветом **С. И. Т.**

ЮНИОНДЭЛ, Н. И. — Посылаю 5 д.: 2 д. на годовую подписку и 3 д. в издательский фонд журнала "ДТП." **В. Пол-ик.**

БРУКЛИН, Н. И. — Посылаю три долара в счет подписки на журнал "ДТП." **Мих. Климчек.**

БАЛТИМОРА, Мэрилэнд. — Посылаю почтовым переводом 24.75, из которых 5 д. в фонд срочной помощи идейным ди-пи в Европе от читателя журнала "ДТП," а 19.75 были собраны по подписному листу № 5 в фонд памяти Г. П. Максимова. Жертвовали: Ф. Бобрук — 10 д.; Ф. Рахманенко — 5 д.; Р. Лоренс, П. Скорчук, С. Новаш и Кухарчук — по 1 д.; П. Марчук — 50 с. и И. Малащук — 25 с.

Последний выпуск журнала "ДТП" почти весь распространен. Несмотря на наши скудные интеллектуальные силы, журнал продолжает быть ценным, только жаль, что он не выходит чаще. **Р. Ф.**

ВОТЕРБУРИ, Конн. — Шлю вам наилучшие пожелания и денежный перевод на 7 д., из которых 2 д. за проданные номера и 5 д. в фонд "ДТП." **Г.С.**

ГОЛТ, Канада. — Посылаемые 10 д. — мое новогодное пожертвование в фонд журнала "ДТП," который нам нужен, как воздух для дыхания. Желаю вам успеха в столь трудной, но столь же необходимой работе. **Т. М.**

ПОРТ КОЛБОРН, Канада. — По случаю наступившего 1951 года приветствую вас, дорогие друзья, за то, что вы не падаете духом и продолжаете вести насущную работу по освобождению трудящихся от угнетения и эксплоатации. Я же не способен к борьбе и труду, мне 75 лет, вижу только одним глазом, поэтому доля моя незавидна, хотя и получаю маленькую пенсию. **Д. Я. Мороз.**

МОНТРЕАЛ, Канада. — В фонд журнала "ДТП" посылаю 10 д. (по 5 д. от Н. Г. и Г. Р.) и желаю всем здоровья и добра. **Г. Резанович.**

БАЛТИМОРА, Мэрилэнд. — Посылаю на подписку и в фонд журнала "ДТП" 10 д. и желаю всем работникам успеха в трудной борьбе за свободу и справедливость, которые жестоко попираются диктаторами везде и всюду. **В.С.**

КОРТЛАНД, Н. И. — Посылаю 10 д., из которых 5 д. в издательский фонд журнала "ДТП" и столько же в фонд памяти Г. П. Максимова. **И. Мел-ко.**

АБЕРДИН, Н. Дакота. — Шлю вам один доллар за журнал "Дело Труда-Пробуждение" и прошу прислать каталог книг. **А. Рус—й.**

ХЕМПСТЕД, Н. И.—В издательский фонд "ДТП" посылаю 5 д. и 2 д. — подписка на журнал. Желаю, чтобы финансовое положение журнала упрочилось в этом году и чтобы журнал "ДТП" продолжал быть светочем на пути к разумной и справедливой жизни человечества. **В. Р—ха.**

С-ЛУИС, Миссури. — Посылаю денежным переводом 10 д. в фонд "ДТП." Если дела мои улучшатся, то приду на помощь журналу еще такой же суммой. Я считаю содержание журнала очень хорошим, несмотря на потерю нашего незабвенного товарища Г. П. Максимова. Журнал является ценным и поучительным. **М. Х.**

БАЛТИМОРА, Мд. — Посылаю в новогодний фонд "ДТП" 2 д. и желаю всем доброго здравия, а журналу регулярного выхода и широкого распространения. **А. В—й.**

ЭЛВУД, Нью Джерзи. — Посылаю 1 доллар в счет моей подписки. **А. Алехин.**

ВИНДЗОР, Канада. — Посылаю два доллара в счет подписки и прошу высылать мне уважаемый журнал "ДТП." **А. И. Грицан.**

ФИЛЛИПС, Висконсин. — Я слепну и так сильно, что еле-еле могу прочесть или написать пару слов, прищуривши глаза и употребивши увеличительное стекло ,что очень раздражительно, поэтому прекратите мне высылку журнала "ДТП." За высылку в прошлом я сердечно благодарю всех: и тех, кто работает при нем, и тех, кто поддерживает его материальными средствами, и таким путем дают возможность всеобщей мысли о беззаветной свободе и чувствам истинного братства проникать вглубь всякой одинокой души, где бы она ни была заброшена в мир плача и печали. Да осенит вас здоровье и мужество в борьбе за светозарную долю для рабочего. **М. Томашевский.**

ХАРТФОРД, Конн. — Посылаемые 12 д. составились из следующих сумм: 3 д. в фонд издания трудов покойного Г. П. Максимова, 4 д. выручено от продажи № 33 и 34 "ДТП" и 5 д. в новогодний фонд журнала. **Ф. Воробьев.**

НЬЮ ХЭЙВЕН, Конн. — Мой новогодний подарок журналу "ДТП" в сумме 2 д. прилагаю. Журнал правильно освещает мировые события и разоблачает большевицкую ложь и обман, на которых построен рабовладельческий режим диктатурщиков из Сталинского Политбюро. **И. С. К—ко.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Посылаемые 160 д. составились из след. сумм: 25 д. — выручка за № 34 "ДТП," а 135 д. — пожертвования в фонд издания трудов покойного т. Максимова, собранные по подписному листу № 1. Из передовой части русской колонии жертвовали следующие лица: А. Яцук — 30 д.; Волынский — 10 д. **По 5 д.:** И. Федоришен, М. Громиков, П. Гаврилюк, К. Крутель, О. Соколович, Е. Голдыс, С. Смирнов и Т. Шумович (40 д.). **По 3 д.:** Н. В., А. М., С. Савко, И Сивко (12 д.). **По 2 д.:** М., Г. Янук, М. Лысак, М. Нестюк, А. Федоришен, Неизвестный (12 д.). **По 1 д.:** Г. Гатник, Е. В., Г. Чернявский, А. Клек, П. Шаров, А. Балакис, А. Волошин, Доброжелатель, И. Чуган, Ш. К., С. Чернышев, Д. Кульгавчук, В. Чурик, Н. Олейник, К. Миллер, В. А., Ф. Кузьмицкий, П. С., А. О., С. Кульгавчук, И. Иванов, В. Москов, П. Дмитрашко, И. Кодов, А. Кот, Р. Громлюк, Ф. Белов, И. Лукович и Ф. Максимук (31 д.).

Всем сердечная благодарность. **Ф. Коваленко.**

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, Пенн. — В новогодний фонд нашего идейного органа "ДТП" посылаю 37 д., собранных по подписному листу № 5. Жертвовали: Шахтер Ж. — 10 д.; **по 5 д.:** Я. Тимощук, А. Мерченко, И. По—кий, Шахтер Я.; **по 2 д.:** Я. Колесников, Н. С., В. Миров; М. Кацевич — 1 д. Искренняя благодарность всем жертвователям. За проданные номера журнала посылаю 7 д.

Журнал "ДТП" является все той же путеводной звездой, которая во время оно указывала волхвам путь к младенцу, пришедшему в грешный мир, чтобы своей проповедью любви и справедливости спасти порабощенных тружеников: он указывает правильный путь к освобождению трудящихся от рабства, в котором держат их владики и эксплоа-

таторы. Я обращаюсь ко всем тем, в ком не угасла еще искра человеческого достоинства и кто не сделался еще Иудой, с призывом: присоединяйтесь к свободолюбивым труженикам и будем совместно работать за полное освобождение от ига частного и государственного капитализма. "Иди к униженным, иди к обиженным, иди по их стопам; где горе слышится, где тяжко дышится, — будь первым там." Ибо "кто, служа великим целям века, жизнь свою всецело отдает на борьбу за брата-человека, только тот себя переживет." **И. Скиталец.**

ДЖУНО, Аляска. — Посылаю вам два доллара: 1 д. в счет подписки и 1 д. в фонд издания журнала. С приветом **Том Балов.**

ТИММИНС, Канада. — Ваша просьба получена и я хочу выполнить свой долг по отношению к уважаемому журналу "ДТП." Только организованным путем, объединившись в крупные союзы, можно добиться улучшения своего положения и только в единении — наша сила. Посылаю 10 д. в фонд журнала "ДТП" и призываю других рабочих последовать моему примеру. **З. А. К.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Мы, члены Профсоюза, получили от редакции поздравительное письмо с Новым Годом и с призывом поддержать журнал морально и материально. Мы сердечно благодарим Ред. Коллегию за письмо и в ответ посылаем в фонд "ДТП" 80 д., которые были собраны т. Шумовичем по подп. листу № 11. Жертвовали: В. Волынский — 20 д.; К. Талан и К. Левчак (Канада) — по 11 д.; **по 5 д.:** И. Черный, С. И. С., А. Яцук, Т. Шумович, Ф. Коваленко; П. Гаврилюк — 3 д.; **по 2 д.:** М. Цюрупа, И. П. Сивко, А. Мак, П. Чернявский; А. Шевчук и Д. Иванс — 1 д.

От имени Профсоюза мы выражаем нашу искреннюю признательность всем, внесшим свою лепту в фонд журнала, а также Марии С. и супругам Ришкель за подаренные книги и брошюры. **Профсоюз.**

НЬЮ КЭСТЛЬ, Пенн. — В фонд издания журнала "ДТП" посылаю 7 д. Жертвовали по 2 д.: А. П., Я. Т. и Д. С., К. С. — 1 д. Наилучшие вам пожелания. **Д. С С.**

ТОРОНТО, Канада. — На издание журнала "ДТП" поступили следующие пожертвования: Новик — 1 д., Северянин — 2 д., Тычинский — 5 д., Шабан — 5.35, Коносевич — 11.05, итого — 24.40; поступило также по 2 д. подписки на журнал от Шабана и Гергеши. На размен денег израсходовано 1.40. Посылаю 27 д. **Ф. К.**

"Народ, в особенности земледельческий русский народ, — огромное большинство его, тот, который жил и живет, решая все свои общественные дела мирским сходом, не нуждается в правительстве, — глядя на совершающиеся события, должен будет понять, что ему не нужно никакого, ни самого деспотического, ни самого демократического правительства, как не нужны человеку ни медные, ни железные, ни короткие, ни длинные цепи..." — Л. Н. Толстой.

Фонд Помощи им. А. Беркмана

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ

с 22 ноября 1949 г. по 22 ноября 1950 г.

ПРИХОД:

От наследства С. Голдберг — 300 д.; Комитет Защиты — 300 д.; А. В. Порезов (Детройт) — 100 д.; Профсоюз дамских портных (Нью Иорк) — 200 д.; отделы "Арбайтер Ринг" — 218 д.; индивидуальные и групповые пожертвования — 568.12; остаток с прошлого отчетного года — 827.95. Итого—**2,514.07.**

РАСХОД:

Продовольственные посылки: 39 во Францию — 370 д.; 55 в Германию — 393.20; 22 в Италию — 207 д.; 16 в Японию — 160 д.; 9 в Израиль — 90 д.; 6 русским — 62.40; отослано деньгами в Болгарский Комитет Помощи в Париже — 445.30; послана денежная помощь во Францию, Германию и Австрию — 368.35; разные — 76.12. Итого — **2,172.37.** Остаток — 341.70.

Ревиз. Комиссия: **Ольга Максимова, А. Тибери, П. Данна.**

Еще много есть жертв фашистських режимов, которые нуждаются в помощи, особенно в большой нужде очутились товарищи за "железным занавесом," где во-всю свирепствует большевицкий террор. Многие пали жертвами террора, а тысячи брошены в тюрьмы и концлагери. Большое число товарищей пробралось через "железный занавес" во Францию, Италию и в другие страны: они нуждаются в помощи. Наши японские товарищи пишут:

"На ваш запрос о наших корейских товарищах сообщаем: красный террор ширится... Хорошо известные наши корейские товарищи Юрим и Покиол арестованы красными и судьба их не известна. Много других товарищей захвачено красными и нуждаются в нашем содействии."

Мы обращаемся с горячей просьбой ко всем читателям оказать Фонду материальную поддержку. Мы надеемся, что каждый, в ком жива любовь к свободе и чувство братской солидарности, откликнется щедрым пожертвованием. Нужда велика. Торопитесь помочь. Деньги можно направлять или на "ДТП," или непосредственно в Фонд имени Беркмана:

A. BERKMAN AID FUND
2422 N. Halsted Street
Chicago 14, Illinois

Секретарь **Б. Еленский.**

"Мы верим, что наше поколение совершит социальную революцию в Коммуне, положит конец гнусной эксплоатации буржуазией, освободит народы от опеки государства, откроет в эволюции человечества новую эру свободы, равенства и солидарности."—П. А. Кропоткин.

* * *

"Социальная Коммуна организуется путем свободной группировки, которая разрушит стены и уничтожит границы. Возникнут миллионы коммун, но не территориальных, а готовых протянуть друг другу руки через реки, горные хребты, океаны и объединить в одну-единую и однородную семью 'равных' всех индивидуумов, рассеянных по различным концам земного шара."—П. А. Кропоткин.

Новогодние Пожертвования

В издательский фонд журнала "ДТП" поступили нижеследующие новогодние пожертвования от товарищей и друзей журнала:

Через И. Ч. из Детройта — 80 д.; через И. Скитальца из Филаделфии — 37 д.; через О. Дашевича из Виндзора — 34 д.; через А. Буковецкого из Торонто — 27 д.; от 25 отдела РООВА — 25 д. (203 д.).

По 20 д.: Вид, И. П. и В. Торба (60 д.).

По 10 д.: С. Медынич, И. Шор, С. Горелик, Л. Хрипливый, А. Рапецкий, А. Крежановский, М. Макаров, М. Хведченя, А. Громм, В. Савчук, И. Черный, ЗАК (120 д.). Через Д. С. — 7 д.

По 5 д.: О. Довгалюк, И. Ковалев, Б. Войтович, А. З., К. Короневский, Джо Гордин, Петр Бир-ов, Илья Литовчик, Павел Королюк, Борис Еленский, С. Тюшкевич, А. Стайоха, И. Аронстам, С. Гуцев, П. М. Б., Г. Стешик, С. Черник, К. Зеленюк, Б. Гершенфельд, М. Малаховец, И. Мелешко, В. Ра-ха, С. Каминский, Ф. Воробьев, А. Кравчук, И. Богин, С. Мурашко, И. Степовой, Я. Кульгавчук (145 д.).

По 3 д.: А. Ивашко, Л. Бычков, В. Полуянчик, С. К. Б. Губин, Д. Безов (18 д.). Чечиль — 2.50.

По 2 д.: М. Мищенко, Мария С., Ник Кус, Павел Полок, С. Перчук, Л. Лазарев, Фома Шенюк, И. Ткачев, П. Жук, И. Короленко, И. Кердол (22 д.).

По 1 д.: Я. А. Кузьмин, С. Новаш, Я. Волков, Том Балов (4 д.). Итого — 581.50.

Наша искренняя благодарность всем жертвователям.

Ред. Коллегия.

Читатели о журнале

БЕРХТЕСГАДЕН, Германия. — Наш лагерь транзитный: ди-пи все время приезжают и уезжают. Подавляющее большинство — галичане. За очень редким исключением, все они находятся под влиянием наци-фашизма и ненавидят россиян, которых в лагере около 10 процентов. Журнал "ДТП" читается небольшой группой лиц с захватывающим интересом. Безвластие привется народу постепенно, по мере его культурного роста, и вначале, я думаю, в виде небольших анархических общин и кооперативных объединений.

Л. Ро—т.

•

ИММЕРШТАДТ, Германия. Дорогие друзья! Начал регулярно читать издаваемый вами журнал "ДТП" и все больше и больше стал понимать учение анархизма, которое не так далеко от исторической традиции и чаяния крымских татар, страстно любящих свободу. Вы помогли мне найти истину и я очень благодарен вам. Среди нас, молодых эмигрантов из Крыма, посеянные вами семена дают прекрасные всходы. Просим вас включить нас в список бесплатных читателей, т.к. в данное время мы не имеем средств оплатить ваш труд. Но придет время и мы с лихвой оплатим за все — трудом, борьбой и средствами.

Айдамак.

Товарищи, издание журнала "Дело Труда-Пробуждение" зависит исключительно от вас, поэтому мы обращаемся к вам с настоятельной просьбой распространять усиленно таковой и оказывать ему денежную и моральную поддержку.

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ "ДТП"
за Ноябрь и Декабрь 1950 года и за Январь и Февраль 1951 года

ПРИХОД ЗА НОЯБРЬ И ДЕКАБРЬ 1950 г.:

Из Фонда Максимова на покрытие экстр. расходов по изданию № 33	196.50
Поступило подписки на журнал	20.00
Поступило за проданные номера журнала	26.05
Пожертвования: Через т. Медынича	25.00
Поступило новогодних пожертвований	161.00
Поступило за проданные книги	5.00

ПРИХОД ЗА ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ 1951 Г.:

Поступило подписки на журнал "ДТП"	14.00
Поступило за проданные номера журнала	38.80
Поступило новогодних пожертвований	430.50
Итого	916.85

РАСХОД:

Издание и экспедиция № 34 "ДТП"	487.60
Переписка редакции	15.00
Рента почтового ящика за 1 квартал 1951 г.	4.00
Дефицит на 1 ноября 1950 года	261.65
Итого	768.25
Остаток на 1 марта 1951 г.	148.60

Искренняя благодарность всем жертвователям, подписчикам и распространителям журнала "ДТП."

Редакционная Коллегия.

Поступили в Редакцию

Ежемесячный отрывной календар на 1951 год, изданный журналом "Реторт."

RETORT, an Anarchist Review, Vol. 4, No. 4. Winter, 1951. Single copy—40 c. Address: Retort Press, Bearsville, N. Y.

RUDOLF ROCKER — El Camino de Pasion de Zensl Musham. Trece Anos Prisionera de Stalin. Ediciones S.A.I.

RUDOLF ROCKER — El Socialismo y el Estado. Incitacion al Socialismo. Ediciones de Agrupacion Anarchista "En Marcha."

LUIS FABRI — El Ideal Humano. Ediciones "Voluntad" La Plata.

Commemoration du 18 Juillet. La Republique Democratique et Liberale. Don Alvaro de Albornoz.

Le Gouvernment de la Republique Espagnola. S' Adresse Aux Nations Unies.

"THE PEACEMAKER," 502 So. High St., Yellow Springs, Ohio.

"CONTROCORRENTE," Via S. Anselmo No. 22, Torino, Italy.

The World Scene from the Libertarian Point of View. Published 1951, by Free Society Group of Chicago, 2422 N. Halsted St., Chicago 14, Ill. Price $1.00.